

ИБИС

**Альманах
№ 30**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Нечто неожиданное	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (<i>продолжение</i>)	06
●	«Оккультный мир» (<i>выдержки</i>) — А. Синнетт	07
●	Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	08
●	О Левитане — К. Паустовский (<i>начало</i>)	09
●	Теософский словарь	10
●	Тысяча смертельных случаев: ищите здесь эзотерику	11
●	Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (<i>продолжение</i>)	12
●	"Альтист Данилов" (<i>глава 27</i>)	13
●	Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (<i>глава 14</i>)	14
●	Стихотворение — И. Бродский	15
●	Философема	16
●	3-я страница обложки	17
●	4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

СТРОЕНИЕ ДУШИ

(продолжение)

**Система жизнеобеспечения
(на первой радуге)**

Как я уже сказал, все известные из «оккультно-мистической» литературы системы энергетического снабжения — чакры, каналы, точки иглотерапии и т.п. — от Сатаны. По ним идут не чистые Божественные потоки, а смешанная Сатанинская «энергетика». Я же буду описывать ту систему снабжения организма жизненными силами, которая дана нам от Бога и

о которой оккультные учения умалчивают. Возможно, что они о ней и действительно не знают... Я вижу, что очень многие черные маги делают неосознанно, с помощью специально выделенных им лукавых, и поэтому им (магам) вдаваться в подробности того, как разрушить данное нам от Бога, необязательно. А вот чтобы восстановить разрушенное, следует знать, как организм обеспечивается жизненными силами.

Эта система пронизывает все слои души, через нее жизненные силы поступают и в сознание, и в сердце, во внутренние органы тела. Другим важным каналом является ряд образов деятельности души — корова, лошадь, лань и т.д. Но по ним потоки идут в момент деятельности. А эта система обеспечивает тот минимально необходимый запас сил для поддержания самих органов и подсистем организма, без которого жизнь вообще невозможна.

От нас тоже многое зависит в работе этой системы. Все силы поступают к нам для того, чтобы мы несли их в мир, превращали во что-то положительное в нашей земной жизни. Если мы их активно используем — они растут, становятся прочнее и чище; если не используем — загрязняются и уменьшаются. Есть случаи, когда люди сами их разрушают. Черными магами может поражаться всё, и это от нас не зависит. Но и всё, что поражено извне, можно восстановить, вернуть на место, очистить — если нет нашей

вины. То же, что разрушается по вине самого человека, без глубинного покаяния, без молитвы за тех, кого мы обидели и кто страдает из-за нас, без отказа от повторения подобных действий — не восстановится. Греховным поведением мы разрушаем не только окружающих, но в первую очередь самих себя, то есть зло бумерангом возвращается к человеку, его породившему (впрочем, так же возвращается и добро). Хорошо я это понял именно через описываемую ниже систему жизнеобеспечения, и на таких моментах я буду останавливаться особо.

Самый нижний план этой системы — ОРАНЖЕВОЕ кольцо. Оно связано с мышечной системой организма, очень прочное, но не за счет жёсткости, а за счет упругости и пластичности; оно чем-то похоже на плотное резиновое кольцо. Если оно цело, то опорно-двигательный аппарат человека не поражён, и организм физически активен.

Если человек часто бросает телесные проклятия другим людям вроде «Чтоб у тебя что-то сломалось или отсохло», то его собственное кольцо лопаётся, разрывается, и со временем то, чего он желал другим, возвращается к нему: сломанное кольцо приводит к травмам и увечьям. Если человек живёт в грязи, неопрятен в быту и одежде, то его кольцо сначала просто загрязняется, а потом начинает разъедаться грязью. При этом резко снижается физическая сила, бывает даже трудно ходить, поднять руку и т.п. Грязь — это

элемент сатанинской системы, и с ней надо бороться на всех уровнях.

Следующий план — **КРАСНЫЙ** кирпичик. Это система кровообращения, слизистые оболочки, кожный покров. Он обеспечивает физиологические процессы в организме, терморегуляцию тела. Через него красный поток поступает в нижний план психики — бак с красным. Этот план разрушается от злобного характера, отсутствия любви к ближним, зависти и сплетен.

На этих двух нижних уровнях люди тесно связаны между собой: оранжевые кольца сплетены в единую сеть, а из кирпичиков выложена стена. Но сегодня в сети слишком много разрывов, а в стене провалов. Восстановление их цельности — дело не только каждого человека, но и всего человечества, один из важнейших моментов возрождения Земли.

На **ПЕРВОМ СИНЕМ** слое видится шкала с делениями, как обычная линейка. Это первый уровень интуиции — элементарные способности сравнивать, соизмерять, взвешивать любые явления. Разрушается она от несоблюдения меры. Образ линейки связан с полнотой. Так, похудение надо начинать не с диеты и не с увеличения физических нагрузок, а с поиска той сферы, где нарушена мера — обязательно в пище: это могут быть даже чрезмерная строгость и требовательность, или неразумное любвеобилие, повышенное внимание к

мелочам, или спокойствие, доходящее до безразличия. Имеет значение и цена деления шкалы: у людей изящных — до 0, 05 мм, а у грубоватых, склонных к полноте — до 0,2-0,5 мм. Так что психологические особенности характера прямо связаны с внешним обликом человека.

На втором синем слое находится тот самый зрительный конус, о котором уже шла речь в связи с ясновидением. Он определяет возвышенность или низменность души, ее устремленность к Богу или Сатане. По мере развития души растет и конус, определяя масштабы видения мира. Если человек хочет жить по принципу «моя хата с краю», пытается отстраниться от участия в борьбе между добром и злом, не желает замечать несправедливость и т.д., — в общем, переходит на животный образ жизни, — у него этот план души сначала уменьшается, а затем и вовсе исчезает. От этого образа в обратной пропорции зависит рост человека.

Может быть, это и имел в виду мой земной Учитель, когда, глядя на меня (мой рост 165 см), сказал однажды, двадцать лет назад: «Вот такие маленькие и управляют».

На ТРЕТЬЕМ СИНЕМ слое видится зеркало типа трюмо. У зрелых, чистых душ оно — в красивой оправе. Это способность самооценки, очень важный план души. В некоторых восточных учениях утверждается, что зеркало принесли на Землю лукавые. Но это неверно: они не очень-то любят смотреть на себя.

Размеры и красота зеркала определяют качество кожи и волос, разрез глаз, изящество ногтей. В психологическом отношении этот план связан с достоинством и честью, — по сути, это нижний уровень птицы Чести. И закрывается или ломается он, когда человек позволяет попирать свое достоинство. Тогда очищающий синий поток перестаёт поступать к душе.

На ЗЕЛЁНОМ слое у каждого из нас есть лестница в небо. Она дает способность подниматься над мирским и обыденным, видеть перспективу. Небесный пейзаж различен у разных душ. У одного из моих знакомых это, например, голубые просторы с белыми птицами, а у другого — фиолетовое небо с ликом Иисуса Христа и священными книгами с серебряными буквами на обложке по сторонам. Чистая неповрежденная лестница дает сердечную радость душе, и вообще этот план тесно связан с работой сердца: если сломаны ступени, например, то начинается аритмия. Растет он от доброжелательности, умения щедро делиться с другими сердечной теплотой, а ломается и закрывается от противоположного — зависти.

На ЖЕЛТОМ слое видится колесо, как у телеги, с осью и крупными спицами. Это план физической работоспособности души. Через него питается желтым наша лошадка, от него идет желтый фонтанчик к эмоциональной сфере души. Крепко связан он и с центром воли. Поэтому его здоровье обеспечивает

трудолюбие, умение принимать верные решения и доводить их до осуществления. В физиологии этот план играет важную роль в работе желудочно-кишечного тракта и очистительной системы. Растет колесо в процессе полезного созидательного труда и по мере укрепления воли; если же человек проявляет зависть к чужому труду, то есть желание отнять, лишиться другого того, на что она направлена, — то останавливает своё колесо.

На ФИОЛЕТОВОМ слое (80 тыс.) растет красивое голубое дерево. Этот план очень важен для работы дыхательной системы: при астматических симптомах, например, редко обходится без его повреждений. В психологическом отношении здоровое голубое дерево создает светлое настроение в душе, обеспечивает мягкое, комфортное состояние. Портится дерево от злопамятства, от постоянной ненависти к конкретному лицу.

На ГОЛУБОМ слое у нас есть белый платок, типа пухового, теплый, пушистый. Это нижний план совести, уровень элементарной нравственности в быту: если совесть чиста — платок цел и обеспечивает душевное спокойствие, чувство защищённости; разрушается же этот образ от мести, нечестности, мелких подлостей.

На БЕЛОМ слое этой первой, нижней радуги стоит кувшин с белой жидкостью. Он связан прежде всего с мыслительной деятельностью и работой нервной системы. Кувшин скудеет, если

человек строит отрицательные планы, начинает служить темным силам, и кувшин постепенно вместо белой жидкости заполняется грязью. Это только кажется, что можно один раз обмануть или сподличать, а потом опять жить честно, потому что когда грязь попадает в этот кувшин, то она уже автоматически начинает подталкивать человека к подобного же рода отрицательным действиям: «коготок увяз — всей птичке пропасть». И очиститься от этой грязи гораздо труднее, чем не допустить ее первоначального попадания: «береги честь смолоду».

На **ОРАНЖЕВОМ** слое (110 тыс.) золотое кольцо (это более высокий уровень оранжевого кольца). Оно обеспечивает устойчивость и прочность в психологическом плане. По нему идут долг и ответственность. Его частицы — в сердечной чаше с золотыми кольцами. Если не проявляем ответственности, покидаем друга (в том числе и в беде), безучастны к чужому горю — кольцо трескается и разрушается, вносит смятение в душу, делает ее не защищённой от ударов.

На **СЕРЕБРЯНОМ** слое (120 тыс.) — серебристая монета, дающая опору высшим духовным способностям, и прежде всего сознанию. Отсюда идет серебро к тонкому телу и слонику в сердце, так что если с этим планом жизнеобеспечения что-то происходит, то страдают ведущие планы души. А ломается он от потребительских установок, лени, желания

прятаться за чужой спиной, от равнодушия к жизни.

На ЗОЛОТОМ слое находится дворец руководителя сознания. Величина его обеспечивает защиту («знание — сила»), способность к общению, вообще степень активности в общественной жизни. Ломается от зависти к достижениям других — социальному положению, должности, таланту.

На ВЕРХНЕМ КРАСНОМ слое — серебристый поднос, аналогичный тому, который встречался в эмоциональном центре, но на более высоком уровне. Он обеспечивает самостоятельность, щедрость и заботливость, а в духовном плане — заботу об учениках, коллегах и т.п. Разрушается от вредности, от привычки ставить подножки другим.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет
(выдержки)

III

Оккультные феномены не следует смешивать с феноменами спиритизма. Последние, чем бы они ни были, являются такими манифестациями, которые медиумы не могут ни контролировать, ни понимать. Первые же суть достижения сознательного, живого оператора, понимающего законы, с которыми он работает. Если эти достижения кажутся чудом, то виною тому – неведение наблюдателя. Вопреки невежественным насмешкам со стороны профанов, которые рады посмеяться, даже не понимая, над чем смеются, спиритуалист отлично знает, что сверхъестественные явления всех видов - обычное дело для исследователей, которые охотятся за ними достаточно усердно. Однако спиритуалист не способен дать причинам этих феноменов какое-либо другое объяснение, кроме сверхъестественного. Он хватается за ту или иную гипотезу *faute de mieux**, а потом, продолжая непрерывную работу над этой идеей, выстраивает вокруг фактов настолько сложную теоретическую

конструкцию, что лишь с величайшей неохотой допускает к рассмотрению любую новую гипотезу, предчувствуя, что она заставит его пересмотреть свои взгляды почти от самой отправной точки. Однако это неизбежно, если спиритуалист принадлежит к разновидности исследователей, которые больше стремятся постичь истину, а не укрепить позиции своего учения, отстаивая его, что бы ни случилось.

Вообще говоря, едва ли найдется хоть один феномен спиритизма, который знатоки оккультизма не могли бы воспроизвести силою собственной воли, которая подкреплена пониманием возможностей Природы. Как станет видно из непосредственного рассказа о моих собственных впечатлениях, я наблюдал, как наиболее типичные феномены спиритизма происходили исключительно за счет воздействия человека. Чтобы просветить меня, было произведено старое доброе столоверчение, которое в спиритизме служит предвестником более впечатляющих феноменов; его осуществили бесчисленным множеством способов, причем в таких условиях, которые полностью исключают гипотезу о каком-либо вмешательстве духов. Я видел, как с голого потолка сыпались цветы; это случилось при обстоятельствах, которые дали мне практическую уверенность в том, что посредничество духов исключено, хотя все происходило в абсолютно "сверхъестественном" стиле - в том смысле, что

не применялись никакие материальные приспособления, как и в случае тех цветочных дождей, которыми осыпали себя некоторые медиумы. Я снова и снова получал "сообщение", появлявшееся на бумаге внутри моих собственных запечатанных конвертов, которое создавал или передавал живой человек-корреспондент. Я располагаю сведениями о великом множестве других феноменов, типичных для спиритизма, которые живые адепты оккультизма производили тем же путем; данные эти получены из вторых рук, но тем не менее весьма надежны. Однако воевать со спиритуализмом - в данный момент не моя задача. Вероятно, то, о чем я должен сообщить, с большей готовностью воспримут в среде спиритуалистов, нежели в широких кругах обычного мира, поскольку спиритуалисты, по крайней мере, знают на собственном опыте, что ортодоксальная наука наших дней не знакома с последними открытиями, касающимися духа и материи, тогда как ортодоксальный профан продолжает тупо и упорно отрицать факты, если предвидит, что не сумеет их объяснить. Хотя факты спиритизма доступны любому, кто займется их поиском, они все же таковы, что их нельзя просто взять и бросить в лицо прагматичным "скептикам". Поэтому последние могут по-прежнему заявлять о своем неверии, не видя того, насколько безрассудна их позиция, хотя это совершенно очевидно для "посвященных". И все же (хотя традиционное

научное сознание едва ли охотно признает мое свидетельство правдивым, а мои объяснения - приемлемыми) я хотел бы несколько ослабить враждебное предубеждение, заявив с самого начала, что оккультизм не имеет ничего общего со спиритуализмом и что "духи" не играли вообще никакой роли в каждом из тех паранормальных случаев, о которых я намереваюсь здесь рассказать.

ОККУЛЬТИЗМ И ЕГО АДЕПТЫ

I

Способности, которые оккультизм дает адептам, прежде всего включают в себя контроль над различными силами Природы, о которых традиционной науке ничего не известно; с их помощью адепт может вступать в беседу с другим адептом, какое бы расстояние ни пролегало между ними на земной поверхности. Этот психический телеграф совершенно не зависит от каких бы то ни было механических условий и приспособлений. Способность адепта к ясновидению настолько велика и совершенна, что в области мирских дел доходит до своего рода всеведения. Для большинства смертных тело – это темница души. Мы видим лишь то, что происходит перед ее окнами, и познаем лишь то, что попадает внутрь нашей тюрьмы через решетку. Но адепт овладел ключом своей темницы и может выходить из нее по своему желанию. Для него

она больше не темница, а просто жилище. Иными словами, адепт в состоянии со скоростью мысли перенести свою душу из тела в любое место, куда пожелает.

Все здание оккультизма, от фундамента до крыши, настолько чуждо обыденным распространенным понятиям, что мне даже трудно решить, с чего начать рассказ о его сущности. Как объяснить конструкцию вычислительной машины аудитории, которая не знакома с простейшими механическими устройствами и ничего не смыслит в арифметике? Высокообразованные слои современного европейского общества обладают великолепной литературной эрудицией и проявляют изысканную точность в специальных отраслях науки; однако эти люди не знакомы даже с простейшими азами оккультизма и совершенно ничего не знают о возможностях души как таковой - в отличие от возможностей души и тела вместе взятых. Именно эти возможности веками исследовали оккультисты. Результаты, достигнутые ими, настолько великолепны, что это просто ошеломляет; но если человек прозаического склада ума ознакомится с ними без предварительной подготовки, то будет потрясен и почувствует себя в мире чудес и волшебства. Как на картах, где отмечены океанские течения истории, мы увидим, что все нации в большей или меньшей степени смешиваются друг с другом. Исключением являются лишь китайцы,

которые подобны единой реке без притоков и ответвлений, исток которой скрыт за туманной завесой времени. Предположим, что цивилизованная Европа до самого последнего времени не вступала в контакт с китайцами; допустим также, что интеллектуальные задатки этой нации гораздо лучше, чем они есть на самом деле, и что китайцы развили некую отрасль физических наук до того уровня, которого в действительности достигли мы; вообразим, что именно этой конкретной отраслью мы в свое время полностью пренебрегли. А теперь представим себе, насколько велико было бы наше удивление, если бы мы познакомились с плодами китайских исследований в их зрелой, утонченной форме, при этом не пройдя через постепенное ознакомление с их скромной начальной стадией.

В точности в таком же положении оказались сейчас оккультные науки. Не считая древнейшей эпохи, более отдаленной от нас, нежели мы можем себе представить, оккультисты всегда составляли особую расу, но не расу в физическом смысле, не расу, объединяемую общностью телесных признаков, не нацию в любом из значений этого слова, а устойчивое сообщество людей высочайшего ума, которых соединяли узы более прочные, чем любая другая связь, известная человечеству, - людей, с безупречной целеустремленностью продолжающих исследования, традиции и

таинства самосовершенствования, переданные им предшественниками. Все это время тот поток цивилизации, на передовых волнах которого мчится современная европейская культура, пренебрежительно проносился мимо того единственного предмета исследований, которым всецело заняты оккультисты. Неудивительно, что две линии цивилизации разошлись настолько далеко друг от друга, что приобрели совершенно несхожие формы. Остается только гадать, какой прием получит наша попытка заново познакомить давно не общавшихся кузенов, - воспримут ли ее терпимо или сочтут бесстыдной уловкой, цель которой - навязать в родню самозванца.

Я уже упоминал, что оккультист может выпускать свою душу из тела. Следует отметить, что при этом он убеждается в том, что у него действительно есть душа; это открытие, не допускающее ни тени сомнения, является побочным результатом его действий. Сравнительное изучение мифов иногда называли религиоведением. Если на свете существует подлинное религиоведение, то это, несомненно, оккультизм. Быть может, при поверхностном рассмотрении не вполне ясно, почему религиозная истина более полно открывается душе, которая временно освободилась от тела, а не душе, познающей идеи посредством физических ощущений. Однако очевидно, что восхождение в нематериальную сферу, где познание

превращается в процесс чистого восприятия, в то время как интеллектуальные способности работают в полную силу и сосредоточены в нематериальном человеке, благоприятствует расширенному постижению религиозной истины.

Я только что упомянул "нематериального человека", отличного от тела с его физическими чувствами; но утверждение, которое я должен сделать, настолько сложно, что, прежде чем склонить читателя терпимо отнестись к этой фразе, я должен забраковать ее за неточность. Оккультная философия установила, что внутренняя бесплотная сущность, которою и является человек как нечто отличное от физического тела, служит лишь оболочкой чего-то еще более бесплотного - то есть, в утонченном смысле слова, сама является материальной.

Культурные люди в большинстве своем верят, что у человека есть душа, которая так или иначе продолжает жить после смерти тела; однако они вынуждены признать, что знают о ней очень немного. Немало людей из числа наиболее культурных питают по этому поводу самые серьезные сомнения. Кое-кто думает, что исследования в области естествознания, породившие предположение о том, что даже мысль может быть разновидностью движения, подкрепляют гипотезу о том, что после смерти тела от живого существа ничего не остается. Оккультная философия не строит никаких

предположений на эту тему; она просто знает, каково реальное положение дел.

Святой Павел, который сам являлся оккультистом, говорит, что человек состоит из тела, души и духа. Такое разграничение плохо совмещается с теорией о том, что после смерти человека его душа навеки попадает на небеса или в ад. К чему же сводятся общепринятые предположения о том, что происходит при этом с духом и что представляет собою дух в качестве элемента, отличного от души? Каждый ортодоксальный мыслитель развивает на этот счет какую-нибудь собственную гипотезу. Либо душу объявляют вместилищем чувств, а дух - вместилищем интеллектуальных способностей, либо *vice versa**. Никто не может подвести под эти догадки прочный фундамент, даже фундамент предполагаемого откровения. Однако, когда святой Павел употребил приведенное здесь выражение, он вовсе не находился во власти туманных фантазий. Дух, о котором он говорил, можно охарактеризовать как душу души. В данный момент это не должно нас занимать. Важное положение, выдвинутое оккультизмом, заключается в том, что хотя душа человека гораздо более тонкая, бесплотная и долговечная, нежели тело, она тем не менее сама является материальной сущностью. Она материальна не в том смысле, как это понимает химия, а в том, как это могли бы понимать естественные науки *en bloc**, если бы разрозненные щупальца разных научных

отраслей стали более чувствительными и работали бы в большей гармонии друг с другом. Если мы говорим о какой-либо гипотетической субстанции, что определить ее атомный вес и химические свойства невозможно, то тем самым мы вовсе не отрицаем ее материальности. Все, кто верит в существование эфира, передающего свет, считают его материальным, хотя бездна различий отделяет его даже от самого разреженного газа. К научной истине не всегда подходят с одной и той же стороны. Одно можно воспринимать непосредственно, другое – косвенно подразумевать, но последнее не становится по этой причине менее верным. Мы делаем вывод о материальности эфира, наблюдая за поведением света; основа для вывода о материальности души - то, что она подвержена воздействию различных сил. Гипнотическое воздействие - это сила, источником которой служат определенные физические свойства гипнотизера. Эта сила воздействует на душу человека на расстоянии и производит эффект, ощутимый для него и доказуемый для других. Конечно, это лишь иллюстрация, а не доказательство. Моя задача сейчас - как можно лучше рассказать об открытиях в области оккультизма (и, возможно, в моем рассказе найдется много недостатков), не пытаясь с самого начала обосновывать доказательствами каждый элемент этих открытий. Далее я смогу доказать по крайней мере некоторые их элементы, и тогда остальные

можно будет признать как истину, установленную косвенным путем.

Душа материальна, и она входит в состав более грубого материального тела; именно такое положение вещей и позволяет оккультисту делать позитивные утверждения на эту тему. Он может одним махом рассеять свои сомнения и убедиться в том, что душа существует и по природе своей материальна, когда при определенных условиях отделяет ее от тела, а затем вновь водворяет на место. Иногда оккультист способен проделывать это даже с душами других людей, но, тем не менее, главное его достижение заключается в том, чтобы сделать это со своей собственной душой. Говоря, что оккультист знает, что у него есть душа, я ссылаюсь как раз на эту его способность. Он знает об этом точно так же, как другой человек знает о том, что является обладателем отличного пальто. Он может снять свое пальто, и в этом состоянии станет очевидно, что оно есть нечто отдельное от него самого. Но когда это отделение совершилось, ему следует помнить, что он является душой, а вещь, которую он снял, - телом. Результат этих действий - не что иное, как абсолютная уверенность в решении великой проблемы жизни после смерти. Когда речь идет о том, возможно ли существование вне тела, адепт не полагается ни на веру, ни на метафизические спекуляции. Он переходит к такому существованию, когда ему заблагорассудится.

Даже если признать, что само по себе умение временно освободиться от тела еще не гарантирует адепту знания о том, какая судьба ожидает его после окончательного освобождения от тела в момент смерти, оно тем не менее позволяет ему точно узнать, в каких условиях начнется его путешествие в мир иной. Пока тело живо, душа является, так сказать, привязным аэростатом (хотя трос, который его удерживает, очень длинный, эластичный и легкий). Совершая подъемы на привязи, пилот не обязательно узнает о том, куда поплывет аэростат, когда механизм на земле, наконец, развалится, и летательный аппарат будет нестись по воле ветра. Но если вы стали аэронавтом еще до начала путешествия и, как я отмечал ранее, точно знаете о том, что аэростаты существуют для воздухоплавания, - это уже неплохо.

Если бы эта единственная способность, описанная мною, была концом пути адепта, в ней заключалось бы безмерное величие. Но это далеко не конец - напротив, это, скорее, лишь начало. Мне дали понять, что те похожие на колдовство подвиги, на которые способны адепты оккультизма, совершаются благодаря хорошему знакомству с некоей природной силой, которая в санскритских писаниях упоминается под названием акаша.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

В магазине НКВД на Большой Лубянке Шарок купил водки, вина, закусок, набил полный портфель. Квартира его была на Остоженке, в Зачатьевском переулке. В двадцатых годах какой-то нэпман выкроил ее из бывших барских хором. Нэпман давно откинул копыта в Нарыме или на Соловках, вместо него поселился профессор, и этот дал дуба на Колыме или в Воркуте, квартиру получил Шарок. Две комнаты, кухня, ванная, уборная, пара стенных шкафов, антресоли — словом, все, что положено, и Шароку удобно — неподалеку Арбат, где отец с матерью, и органам хорошо: когда сотрудник за границей, его квартира используется как явочная для встреч с осведомителями; ключи в отделе. Вторые ключи у отца с матерью — приходят по воскресеньям, в этот день явок нет — так уговорено. Каля заикнулась было: "Хочешь, буду за квартирой присматривать?" Он усмехнулся: "Миленькая, в моем учреждении разве некому присматривать? Ты без меня сюда и близко не подходи". Только того и добила Каля, что в ванной всегда висел ее халат.

Но когда он приезжал в Москву, она с усердием исполняла роль хозяйки, прибирала, мыла, чистила, показывала домовитость, уже три года как встречаются, мол, пора что-то решать. И сейчас накрывала на стол, ладная, веселая, с большими и сильными руками. Привела с собой

подругу, высокую, черноволосую, цыганского вида девку с длинными стройными ногами и позолоченными серьгами в ушах. Представила ее:

— Моя подруга Аза.

Дымя папиросой, подруга добавила:

— Цыганка Аза.

И так же представилась Абакумову:

— Цыганка Аза.

— Так уж? — засомневался Абакумов.

— Разве не похожа?

Аза по-цыгански затрясла плечами.

— Это и мы умеем...

К удивлению Шарока, Абакумов тоже затряс толстыми плечами, не как Аза, конечно, но вроде бы по-цыгански.

— Из нашего табора, — одобрила Аза.

— И спать нам в одном шатре, — заключил Абакумов.

Держался он так, будто знал девушек давно, столько их перебрал, что уже не отличал знакомых от незнакомых. Вошел шумно, шофер внес за ним пакет и ушел, получив распоряжение, когда и куда приехать. А Шароку Абакумов приказал:

— Разворачивай пакет!

— Виктор Семенович, зачем? Видите, все есть на столе.

— Подкрепление не повредит. Как Наполеон говорил? Что нужно для победы? Сосредоточить главные силы на главном направлении. Как, девушки, правильно говорил

Наполеон Бонапарт? Знаете такого? Тарле читали?

Вот хамло, подумал Шарок, не может правильно произнести фамилию. Да и не читал он Тарле: узнал, что Сталин велел восстановить того в звании академика, и тут же, конечно, купил его книгу "Наполеон", поставил на полку.

— Знаем Наполеона, читали. — Аза сидела, положив ногу на ногу, дымила папирсой.

— Проверим, — весело сказал Абакумов, — а сейчас, ребятки, давайте перекусим, я голодный как волк.

Каля между тем развернула пакет, выставила на стол армянский коньяк, выложила икру, лососину, буженину и виноград.

— С чего начнем? — спросил Абакумов и потянулся за водкой.

— Что в руках, с того и начнем, — тряхнула серьгами Аза.

— Правильно; — взглянул на нее Абакумов, — пить — так водку, любить — красотку, украсть — миллион.

Пил он рюмку за рюмкой и всех заставлял пить: со знакомством, за женщин — Калю и Азу, за Юру, за родных и близких... И жрал как свинья, даже похрюкивал.

Юра пил осторожно. Предстоит разговор. На карту поставлена жизнь. Стряпают "дело

Шпигельгласа", значит, нужны соучастники. А Ежов переводом в другой наркомат выручал его. Знай, спасаю тебя! Ах, не хочешь, тогда и расплачивайся! Сегодня же ночью за ним явятся. И застанут Абакумова в постели с девкой. По законам товарищества надо бы предупредить. Но разве оценит? Тут же смоемся. И из тюрьмы выволакивать не будет. Пусть уж затянется в узел вместе с ним. Если же сегодня не придут, то завтра Абакумов примет меры. Должен выручать. Иначе если Шарока посадят, то и он горит. "С кем встречались?" — "С товарищем Абакумовым. У меня на квартире с женщинами пьянствовали". Потом отбрехивайся!

Абакумов между тем снял пиджак, в штатском явился, рубашку расстегнул, показывает косматую грудь, уже шарит волосатой ручищей у Азы под юбкой, а та извивается, страсть изображает, тоже набралась порядочно, и у Кали глазки заблестели, смеется, заливается. А у него голова должна быть ясной. Хоть Абакумов и в чинах, кости ломать большого ума не надо, в Париж такого не пошлешь, там нужны Шпигельгласы, Судоплатовы, Шароки, те, на ком держится советская разведка, — профессионалы. Он справлялся с генералом Скоблиным, с министром Третьяковым, справится и с хамом Абакумовым, заставит ввязаться в это дело, вынудит. Только не опьянеть. Шарок незаметно вместо водки наливал нарзан, благо рюмки из толстого

зеленого стекла, пузырьков не видно, и Абакумов не следил, как он пьет. Сам пил, ел, шарил у Азы под юбкой и на Калю, надо сказать, поглядывал, тыкал пальцем в грудь: "Вот это буфетик, молодец, девка, все при тебе". Не будь тут Шарока, обеих уложил бы в постель. Потом потребовал завести патефон, пошел танцевать с Азой. Пьяный, а на ногах держался, толстый, здоровый, даже фигуры выделял, непонятно, что танцует — танго или "камаринскую", и на ходу раздевал Азу, все на ней расстегнул, под штанишки полез, а она ничего, только зыркает глазами на Калю и на Шарока, качает головой, мол, смотрите, люди добрые, каков охальник!

Пластинка кончилась.

— Где отдохнуть можно? — прохрипел Абакумов.

Шарок показал на дверь спальни.

Абакумов потянул Азу за руку.

— Пошли в шатер, цыганочка!

Аза опять зыкнула глазами на Калю и на Шарока, пожала плечами, мол, смотрите, что он со мной делает! Но вслед за Абакумовым пошла безропотно.

Шарок и Каля легли на диване.

— Утром уйдешь с ней в ванную, — сказал ей Шарок, — там задержитесь, а я переговорю с Виктором Семеновичем.

Ему не пришлось дожидаться утра. Только, казалось, задремал, как его разбудил голос Абакумова. Шарок протянул руку, зажег бра над диваном. Абакумов стоял посередине комнаты,

толстый, в одних трусах, над ними висел живот. Аза в комбинации сидела за столом.

— Хватит спать, мужичок, ведь весна на дворе... — Абакумов уселся рядом с Азой, налил нарзану. — Вставайте, братцы, еще погуляем.

Шарок надел под простыней трусы, встал, тоже сея за стол.

— Вставай, Каля! — приказал Абакумов.

— Отвернитесь, Виктор Семенович, я раздета.

— Еще чего! Не видал я голых баб.

Прикрывшись руками, Каля пробежала в ванную, вернулась в халате.

Кивнув Азе, Шарок сказал:

— Идите мойтесь. Я позову.

Женщины ушли, вскоре из ванной донесся плеск воды.

Абакумов налил водки себе, Шароку:

— Поехали.

Выпили.

— Виктор Семенович, я хотел с вами посоветоваться.

О своем разговоре с Ежовым Шарок рассказал, как по стенограмме, и о том, что Ежов остался недоволен, тоже сказал.

Абакумов тыкал вилкой в закуски, жевал то одно, то другое, посматривал на Юру.

— Доложил Судоплатову?

— Когда? Николай Иванович отпустил меня поздно. Я боялся на встречу с вами опоздать. Вы думаете, Судоплатов может мне помочь?

— Не может, — неожиданно трезво и внушительно ответил Абакумов, — но знать

должен. Вызовет его товарищ Берия Лаврентий Павлович, спросит: "Известно вам, что ваших работников переманивают в другой наркомат?" — "Нет, неизвестно", — ответит Судоплатов. "Ах так, значит, товарищ Шарок ведет переговоры за вашей спиной. Двойную игру играет! Как это расценить?!" Понял мою мысль?

— Вы правы, Виктор Семенович.

— Сегодня, как на работу придешь, сразу к Судоплатову. Все, как мне, так и ему расскажешь. Подчеркни: "Согласия не дал. Считаю обязанным вам доложить". И после этого сиди спокойно. Дождидайся. Все остальное сделаю я.

Он вдруг наклонился вперед, исподлобья посмотрел на Шарока.

— Абакумов верных друзей не забывает. Понял?

— Понял, спасибо, Виктор Семенович.

— Давай за это выпьем. Ты весь вечер вместо водки нарзан хлестал. Я видел. Понимаю: к разговору готовился. Не осуждаю. А теперь уж выпьем.

И, запрокинув голову, опорожнил рюмку.

— С твоим делом покончено, — сказал Абакумов, — будем гулять. Как в песне-то поется: "Будем пить, будем веселиться, жизнь коротка, надо насладиться". Аза — баба ничего, умелая, а Каля как?

Хмель выскочил у Шарока из головы, понял скрытый смысл этого вопроса.

— Я с Калей не первый день, Виктор Семенович, даже думали...

Абакумов перебил его, не дал договорить:

— Вот и нужно тебе свежачка попробовать. Поменяемся!

Деваться некуда, он в руках у этой свиньи. Явится сегодня к Ежову и доложит: "Заезжал вчера к Шароку, как к старому товарищу по работе, а он, сукин сын, сидит пьяный и вас поносит, говорит, переманиваете его уйти из органов, вот сволочь, негодяй!" И тогда уведут его прямо из отдела и расстреляют, разговор короткий!

— Куда мне после вас к Азе? — улыбнулся Шарок.

— Справишься, парень молодой! А где девки-то?

Он встал, приоткрыл дверь ванной...

— Отполоскались?! Как в песне-то поется: "Девоньки купаются, сисеньки болтаются".

— Сейчас оденемся, Виктор Семенович, — сказала Каля.

— А чего одеваться? Все равно раздеваться.

— Нет уж, так нам удобнее.

Каля вышла в халате, Аза — в комбинации.

Абакумов тут же всем налил водки.

— Давайте, девушки, подкрепляйтесь.

Шарок вышел на кухню, позвал Калю, хмуро и озабоченно сказал:

— Я говорил с ним, обещал помочь. От него зависит не только моя судьба, но и жизнь. Поняла?

— Да, да, конечно, — испуганно проговорила она.

— Аза ему не понравилась, выпендривается. Я тебя предупреждал: не приводи ломаку. Придется тебе за нее отработать...

Она сначала не поняла, о чем он, потом, когда смысл сказанного дошел до нее, вспыхнула от негодования.

— Ты что, рехнулся?! Да я уйду сию минуту! Ты что говоришь?!

— То, что слышишь. Ради меня, ради моей жизни. — Он изо всей силы сжал ее запястье. — Я тебя прошу. Клянусь, мы никогда об этом не вспомним. Все! И не вздумай кобениться! Предупреждаю! Не пойдешь — мне смерть, но и тебе смерть!

Они вернулись к столу.

— Теперь попляшем, — закричал Абакумов, дожевывая ветчину. — Настраивай, Юрка, музыку. А ну-ка, Каля, давай с тобой попрыгаем.

Облапил ее, прижал к себе, голый, толстый, волосатый, задвигался по комнате, норовя засунуть ее руку к себе в трусы, и, очутившись возле спальни, открыл дверь, подтолкнул туда Калю.

Она оглянулась, умоляюще посмотрела на Шарока.

Он резко, повелительно махнул рукой: иди!

Утром Шарок зашел в Судоплатову, доложил о своем разговоре с Ежовым.

— Решать такой вопрос — ваше личное дело, — сухо заметил Судоплатов.

А вечером Шарока вызвали к Лаврентию Павловичу Берии.

Берию Шарок видел только на портретах. Льстили, конечно, художники, но лицо у Берии и в жизни оказалось неестественно гладким, будто накачали в него воздух и нацепили пенсне.

Кроме Берии в кабинете были еще двое: Судоплатов и какой-то чин, похожий на Серебрянского, но черты лица тонкие, глаза живые, и оттого выглядел он красивым и привлекательным.

Вытянувшись, Шарок доложил о прибытии.

— Садитесь!

Сверля Шарока маленькими глазками, Берия спросил:

— Какова ситуация со Зборовским?

— Со смертью Льва Седова единственно, что он сохранил, это доступ к делам троцкистского Международного секретариата, — четко ответил Шарок.

— Есть возможность внедрить его в окружение Троцкого?

— Очень малая. Зборовского подозревали в убийстве Седова. Подозрение отпало. При Седове неотступно находилась его жена Жанна Мартен, к пише Седова Зборовский не притрагивался. И все же недоверие осталось. Зборовский просил Троцкого разрешить ему приехать в Мексику, Троцкий отказал.

Чин, сидевший рядом с Судоплатовым, изучающе смотрел на Шарока.

— Какие вы видите перспективы? — спросил Берия.

Шарок отлично понимал, что речь идет об уничтожении Троцкого, но он должен говорить только в предложенных рамках: о внедрении человека в окружение Троцкого. И еще понял Шарок: он опять получает шанс — может стать человеком Берии. Тщательно подбирая слова, Шарок сказал:

— Мне кажется, что планы проникновения к Троцкому были изначально нереальными. Намечалось забросить к нему человека от белых, людей готовили генералы Туркул, Миллер и Драгомиров. В Турции и в Европе они имели какие-то шансы, в Мексике — никаких. Охрана Троцкого состоит из американцев и мексиканцев, среди них и надо подобрать человека. Лучше мексиканца или, во всяком случае, человека испаноязычного.

— Хорошо... — сказал Берия, и какие-то нотки в его голосе подсказали Шароку, что он попал в точку, его рассуждения совпадают с планами этих людей. — Третьего сентября собирается учредительный конгресс IV Интернационала. Вам следует завтра же отправиться в Париж и быть в курсе этой говорильни.

— Слушаюсь, товарищ Берия!

Он назвал его по фамилии. Именовать "заместителем наркома" человека, который не

сегодня—завтра будет наркомом, было бы глупо.

— Ваши руководители... — Берия кивнул в сторону Судоплатова. — С Павлом Анатольевичем вы знакомы...

— Так точно, знакомы.

Берия повернулся к соседу Судоплатова, представил его:

— Наум Исаакович Эйтингон.

Эйтингон протянул Шароку руку, улыбнулся.

— Будем работать.

(продолжение предполагается)

Константин Паустовский

Исаак Левитан

От редакции

В трёх номерах журнала (29, 30, 31) мы публикуем небольшую повесть прекраснейшего писателя, ныне покойного, Константина Паустовского. Новое поколение молодёжи, вырастающее в бескультурье, его почти не знает, и наша публикация стремится хоть как-то заполнить эту ужасающую брешь.

Проза Паустовского — выше, чем проза. Это истинная и чистая поэзия. Жаль, что не каждому даёт Бог почувствовать это. И не всё, что рифмовано, является поэзией.

Публикуемая повесть посвящена трагедийной жизни одного из лучших живописцев России — Исаака Ильича Левитана. Картины его в Государственной Третьяковской галерее выставлены постоянно.

Иногда на лугу около бабкинского дома происходили странные вещи. На закате на луг выезжал на старом осле Левитан, одетый бедуином. Он слезал с осла, садился на корточки и начинал молиться на восток. Он подымал руки кверху, жалобно пел и кланялся в сторону Мекки. То был мусульманский намаз.

В кустах сидел Антон Чехов со старой берданкой, заряженной бумагой и тряпками. Он хищно целился в Левитана и спускал курок. Тучи дыма разлетались над лугом. В реке отчаянно квакали лягушки. Левитан с пронзительным воплем падал на землю, изображая убитого. Его клали на носилки, надевали на руки старые валенки и начинали обносить вокруг парка. Хор Чеховых пел на унылые похоронные распевы всякий вздор, приходявший в голову. Левитан трясся от смеха, потом не выдерживал, вскакивал и удирает в дом.

На рассвете Левитан уходил с Антоном Павловичем удить рыбу на Истру. Для рыбной ловли выбирали обрывистые берега, заросшие кустарником, тихие омуты, где цвели кувшинки и в тёплой воде стаями ходили краснопёрки. Левитан шёпотом читал стихи Тютчева. Чехов делал страшные глаза и ругался тоже шёпотом, — у него клевало, а стихи пугали осторожную рыбу.

То, о чём Левитан мечтал еще в Салтыковке, случилось, — игры в горелки, сумерки, когда над зарослями деревенского сада висит тонкий месяц, яростные споры за вечерним чаем,

улыбки и смущение молодых женщин, их ласковые слова, милые ссоры, дрожание звёзд над рощами, крики птиц, скрип телег в ночных полях, близость талантливых друзей, близость заслуженной славы, ощущение лёгкости в теле и сердце.

Несмотря на жизнь, полную летней прелести, Левитан много работал. Стены его сарая — бывшего курятника — были сверху донизу завешаны этюдами. В них, на первый взгляд, не было ничего нового — те же знакомые всем извилистые дороги, что теряются за косогорами, перелески, дали, светлый месяц над околицами деревень, тропки, протоптанные лаптями среди полей, облака и ленивые реки.

Знакомый мир возникал на холстах, но было в нем что-то своё, не передаваемое скучными человеческими словами. Картины Левитана вызывали такую же боль, как воспоминания о страшно далёком, но всегда заманчивом детстве.

Левитан был художником печального пейзажа. Пейзаж печален всегда, когда печален человек. Веками русская литература и живопись говорили о скучном небе, тощих полях, кособоких избах.

"Россия, нищая Россия,
Мне избы чёрные твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви".

Из рода в род человек смотрел на природу мутными от голода глазами. Она казалась ему такой же горькой, как его судьба, как краюха чёрного мокрого хлеба. Голодному даже блистающее небо тропиков покажется неприветливым.

Так вырабатывался устойчивый яд уныния. Он глушил всё, лишал краски их света, игры, нарядности. Мягкая разнообразная природа России сотни лет была оклеветана, считалась слезливой и хмурой. Художники и писатели лгали на неё, не сознавая этого.

Левитан был выходцем из гетто, лишённого прав и будущего, выходцем из Западного края — страны местечек, чахоточных ремесленников, чёрных синагог, тесноты и скудности.

Бесправие преследовало Левитана всю жизнь. В 1892 году его вторично выселили из Москвы, несмотря на то, что он уже был художником со всероссийской славой. Ему пришлось скрываться во Владимирской губернии, пока друзья не добились отмены высылки.

Левитан был безрадостен, как безрадостна была история его народа, его предков. Он дурачился в Бабкине, увлекался девушками и красками, но где-то в глубине мозга жила мысль, что он парий, отверженный, сын расы, испытавшей унижительные гонения.

Иногда эта мысль целиком завладевала Левитаном. Тогда приходили приступы болезненной хандры. Она усиливалась от

недовольства своими работами, от сознания, что рука не в силах передать в красках то, что давно уже создало его свободное воображение.

Когда приходила хандра, Левитан бежал от людей. Они казались ему врагами. Он становился груб, дерзок, нетерпим. Он со злобой соскабливал краски со своих картин, прятался, уходил с собакой Вестой на охоту, но не охотился, а без цели бродил по лесам. В такие дни одна только природа заменяла ему родного человека, — она утешала, проводила ветром по лбу, как материнской рукой. Ночью поля были безмолвны, — Левитан отдыхал такими ночами от человеческой глупости и любопытства.

Два раза во время припадка хандры Левитан стрелялся, но остался жив. Оба раза спасал его Чехов.

Хандра проходила. Левитан возвращался к людям, снова писал, любил, верил, запутывался в сложности человеческих отношений, пока его не настигал новый удар хандры.

Чехов считал, что левитановская тоска была началом психической болезни. Но это была, пожалуй, неизлечимая болезнь каждого требовательного к себе и к жизни большого человека.

Всё написанное казалось беспомощным. За красками, наложенными на полотно, Левитан видел другие — более чистые и густые. Из этих красок, а не из фабричной киновари, кобальта и кадмия он хотел создать пейзаж России —

прозрачный, как сентябрьский воздух, праздничный, как роща во время листопада.

Но душевная угрюмость держала его за руки во время работы. Левитан долго не мог, не умел писать светло и прозрачно. Тусклый свет лежал на холстах, краски хмурились. Он никак не мог заставить их улыбаться.

В 1886 году Левитан впервые уехал из Москвы на юг, в Крым.

В Москве он всю зиму писал декорации для оперного театра, и эта работа не прошла для него бесследно. Он начал смелее обращаться с красками. Мазок стал свободнее. Появились первые признаки ещё одной черты, присущей подлинному мастеру, — признаки дерзости в обращении с материалами. Свойство это необходимо всем, кто работает над воплощением своих мыслей и образов. Писателю необходима смелость в обращении со словами и запасом своих наблюдений, скульптору — с глиной и мрамором, художнику — с красками и линиями.

Самое ценное, что Левитан узнал на юге, — это чистые краски. Время, проведённое в Крыму, представлялось ему непрерывным утром, когда воздух, отстоявшийся за ночь, как вода, в гигантских водоёмах горных долин, так чист, что издалека видна роса, стекающая с листьев, и за десятки миль белеет пена волн, идущих к каменистым берегам.

Большие просторы воздуха лежали над южной землёй, сообщая краскам резкость и выпуклость.

На юге Левитан ощутил с полной ясностью, что только солнце властвует над красками. Величайшая живописная сила заключена в солнечном свете, и вся серость русской природы хороша лишь потому, что является тем же солнечным светом, но приглушённым, прошедшим через слои влажного воздуха и тонкую пелену облаков.

Солнце и чёрный свет несовместимы. Чёрный цвет — это не краска, это труп краски. Левитан признавал это, и после поездки в Крым решил изгнать со своих холстов тёмные тона. Правда, это не всегда ему удавалось.

Так началась длившаяся много лет борьба за свет.

В это время во Франции Ван-Гог работал над передачей на полотне солнечного огня, превращавшего в багровое золото виноградники Арля. Примерно в то же время Монэ изучал солнечный свет на стенах Реймского собора. Его поражало, что световая дымка придавала громаде собора невесомость. Казалось, что собор выстроен не из камня, а из разнообразно и бледно окрашенных воздушных масс. Надо было подойти к нему вплотную и провести рукой по камню, чтобы вернуться к действительности.

Левитан работал еще робко. Французы же работали смело, упорно. Им помогало чувство

личной свободы, культурные традиции, умная товарищеская среда. Левитан был лишен этого. Он не знал чувства личной свободы. Он только мог мечтать о ней, но мечтать бессильно, с раздражением на тупость и тоску тогдашнего русского быта. Не было и умной товарищеской среды.

Со времени поездки на юг к обычной хандре Левитана присоединилось ещё постоянное воспоминание о сухих и четких красках, о солнце, превращавшем в праздник каждый незначительный день человеческой жизни.

В Москве солнца не было. Левитан жил в меблированных комнатах "Англия" на Тверской. Город за ночь так густо заволакивало холодным туманом, что за короткий зимний день он не успевал поредеть. В номере горела керосиновая лампа. Жёлтый свет смешивался с темнотой промозглого дня и покрывал грязными пятнами лица людей и начатые холсты.

Снова, но уже ненадолго, вернулась нужда. Хозяйке за комнату приходилось платить не деньгами, а этюдами.

Тяжёлый стыд охватывал Левитана, когда хозяйка надевала пенсне и рассматривала "картинки", чтобы выбрать самую ходкую. Поразительнее всего было то, что ворчание хозяйки совпадало со статьями газетных критиков.

— Мосье Левитан, — говорила хозяйка, — почему вы не нарисуете на этом лугу породистую корову, а здесь под липой не

посадите парочку влюбленных? Это было бы приятно для глаза.

Критики писали примерно то же. Они требовали, чтобы Левитан оживил пейзаж стадами гусей, лошадьми, фигурами пастухов и женщин.

Критики требовали гусей, Левитан же думал о великолепном солнце, которое рано или поздно должно было затопить Россию на его полотнах и придать каждой берёзе весомость и блеск драгоценного металла.

После Крыма в жизнь Левитана надолго и крепко вошла Волга.

Первая поездка на Волгу была неудачна. Моросили дожди, волжская вода помутнела. Ветер гнал по ней короткие скучные волны. От надоедливого дождя слезились окна избы в деревне на берегу Волги, где поселился Левитан, туманились дали, всё вокруг съела серая краска.

Левитан страдал от холода, от скользкой глины волжских берегов, от невозможности писать на воздухе.

Началась бессонница. Старуха-хозяйка храпела за перегородкой, и Левитан завидовал ей и писал об этой зависти Чехову. Дождь, барабанил по крыше, и каждые полчаса Левитан зажигал спичку и смотрел на часы.

Рассвет затерялся в непроглядных ночных пустошах, где хозяйничал неприветливый ветер. Левитана охватывал страх. Ему казалось, что

ночь будет длиться неделями, что он сослан в эту грязную деревушку и обречён всю жизнь слушать, как хлещут по бревенчатой стене мокрые ветки берёз.

Иногда он выходил ночью на порог, и ветки больно били его по лицу и рукам. Левитан злился, закуривал папиросу, но тотчас же бросал её, — кислый табачный дым сводил челюсти.

На Волге был слышен упорный рабский стук паровых колёс, — буксир, моргая жёлтыми фонарями, тащил вверх, в Рыбинск, вонючие баржи.

Великая река казалась Левитану преддверием хмурого ада. Рассвет не приносил облегчения. Тучи, бестолково теснясь, неслись с северо-запада, волоча по земле водянистые подолы дождей. Ветер свистел в кривых окнах, и от него краснели руки. Тараканы разбегались из ящика с красками.

У Левитана не было психической выносливости. Он приходил в отчаяние от несоответствия между тем, что он ожидал, и тем, что он видел в действительности. Он хотел солнца, — солнце не показывалось; Левитан слеп от бешенства и первое время даже не замечал прекрасных оттенков серого и сизого цвета, свойственных ненастью.

Но в конце концов художник победил неврастеника. Левитан увидел прелесть дождей и создал свои знаменитые "дождливые работы": "После дождя" и "Над вечным покоем".

Картину "После дождя" Левитан написал за четыре часа. Тучи и оловянный цвет волжской воды создали мягкое освещение. Оно могло исчезнуть каждую минуту. Левитан торопился.

Картины Левитана требуют медленного рассматривания. Они не ошеломляют глаз. Они скромны и точны, подобно чеховским рассказам; но чем дольше вглядываешься в них, тем всё милее становится тишина провинциальных посадов, знакомых рек и просёлков.

В картине "После дождя" заключена вся прелесть дождливых сумерек в приволжском городке. Блестят лужи. Облака уходят за Волгу, как низкий дым. Пар из пароводных труб ложится на воду. Баржи у берега почернели от сырости.

В такие летние сумерки хорошо войти в сухие сени, в низкие комнаты с только что вымытыми полами, где уже горят лампы и за открытыми окнами шумит от капель и дико пахнет заброшенный сад. Хорошо слушать игру на старом рояле. Его ослабевшие струны звенят, как гитара. Тёмный фикус стоит в кадке рядом с роялем. Гимназистка сидит в кресле, поджав ноги, и читает Тургенева. Старый кот бродит по комнатам, и ухо у него нервно вздрагивает, — он слушает, не застучат ли в кухне ножи.

С улицы пахнет рогожами. Завтра — ярмарка, и на Соборную площадь съезжаются телеги. Пароход уходит вниз по реке, догоняет

дождевую тучу, закрывавшую полнеба. Гимназистка глядит вслед пароходу, и глаза её делаются туманными, большими. Пароход идёт к низовым городам, где театры, книги, заманчивые встречи.

Вокруг городка день и ночь мокнут растрёпанные ржаные поля.

В картине "Над вечным покоем" поэзия ненастного дня выражена с ещё большей силой. Картина была написана на берегу озера Удомли в Тверской губернии.

С косогора, где тёмные берёзы гнутся под порывистым ветром и стоит среди этих берёз сгнившая бревенчатая церковь, открывается даль глухой реки, потемневшие от ненастья луга, громадное облачное небо. Тяжёлые тучи, напитанные холодной влагой, висят над землёй. Косые холстины дождя закрывают просторы.

Никто из художников до Левитана не передавал с такой печальной силой неизмеримые дали русского ненастья. Оно так спокойно и торжественно, что ощущается как величие.

(окончание в следующем номере)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

САГАРДАГАН. Один из четырех путей к Нирване.

САХА (Санскр.) Маха или Парабрахм.

САХАРАКША (Санскр.) Огонь Асуров; имя сына Павамана; один из трех главных оккультных огней.

СЕН МАРТЕН, Луи Клод де. Родился во Франции (в Амбуазе) в 1743 г. Выдающийся мистик и писатель, который продолжил свои философские и теософские занятия в Париже во время Революции. Он был усердным учеником Якоба Беме, учился у Мартинеза Пасквали, и в конце концов основал мистическую полу-масонскую Ложу, "Исправленный Ритуал Сен Мартена", с семью степенями. Он был истинным теософом. В данный момент некоторые тщеславные шарлатаны в Париже пытаются подражать ему и выдают себя за посвященных мартинистов, таким образом позоря имя покойного Адепта.

САИС (Егип.) Место, где был обнаружен знаменитый храм Изиды-Неит, внутри которого находилась вечно сокрытая статуя Неит (Неит и Изида являются идентичными), со знаменитой надписью, "Я - все, что было, есть и будет, и мой пеплум ни один смертный не поднимал". (См. "Сириус".)

САКА (Санскр.) Букв., "Единый", или Эка; относится к "Дракону Мудрости" или проявляющимся божествам, вместе взятым.

ШАКИ (Санскр.) Согласно востоковедам, то же, что классические Sacaе. Во время правления их царя Юдиштира началась Кали Юга.

ШАКА ДВИПА (Санскр.) Один из семи островов или континентов, упомянутых в "Пуранах" (древние труды).

САККАЯДИТТХИ Обманчивость личности; ошибочное представление, что "Я есмь Я", мужчина или женщина с определенной фамилией, а не неотделимая часть целого.

САКРАДАГАМИН (Санскр.) Букв., "тот, кто получит рождение (только) еще раз" перед достижением Нирваны; тот, кто вступил на вторую из четырех стезей, ведущих к Нирване и почти достиг совершенства.

САКШИ (Санскр.) Имя зайца, который в легенде о "луне и зайце" бросился в огонь, чтобы спасти от голодной смерти нескольких паломников, которые не хотели его убивать. За эту жертву Индра, как утверждается, перенес его в центр луны.

ШАКТИ (Санскр.) Активная женская энергия богов; в народном Индуизме - из жены и богини; в Оккультизме - венец астрального света. Синтез Силы и шести сил природы. Вселенная Энергия.

ШАКТИ-ДХАРА (Санскр.) Букв., "держатель Меча", титул, данный Карттикее за то, что он убил Тараку, дайтью или великана-демона. Последний хотя и был демоном, видимо был настолько великим Йогом, благодаря своему суровому аскетизму и благочестию, что заставил всех богов дрожать перед ним. Это делает Карттикею, бога войны, чем-то вроде Св. Михаила.

ШАКВАЛА Это бана или "слово", произнесенное Готамой Буддой в его устных наставлениях. Шаквала есть земная или, вернее, солнечная система, которых во вселенной бесконечное множество; и которая обозначает то пространство, на которое распространяется свет каждого солнца. Каждая Шаквала включает земли, ады и небеса (что означает хорошие и плохие сферы, - наша земля в Оккультизме считается адом): достигает своего расцвета, потом приходит в упадок и, наконец, разрушается, в регулярно повторяющихся периодах, под действием единого неизменного закона. Учитель учил, что на земле уже существовало четыре великих "континента" (Земля Богов, Лемурия, Атлантида и теперешний "континент", разделенный на пять частей, "Тайной Доктрины"), и что еще три должны появиться. Эти континенты "не сообщались между собой, - изречение, доказывающее, что Будда говорил не о фактически существовавших в его время континентах (ибо Патала или Америка бала отлично знакома древним индусам), но о четырех геологических формациях земли, с их четырьмя различными коренными расами, которые уже исчезли.

ШАКЬЯ (Санскр.) Родовое имя Готамы Будды.

ШАКЬЯМУНИ БУДДА (Санскр.) Имя основателя Буддизма; великого Мудреца, Владыки Готамы.

САЛАМАНДРЫ Розенкрейцерское название элементалов Огня. Это животное, также как и его имя, полно самого оккультного значения и широко используется в поэзии. Это название почти идентично на всех языках. Так, на греческом, латинском, французском,

испанском, итальянском и т.д. языках это Саламандра, на персидском Саламандел и на санскрите - Саламандала.

ШАЛМАЛИ (Санскр.) Одна из семи зон; также вид дерева.

ШАМА (Санскр.) Один из бхава пушп, или "цветов святости". Шама есть пятый, или "смирение". Всего таких цветов восемь, это: снисходительность или милосердие, воздержание, благожелательность (или любовь к другим), терпение, смирение, преданность, медитация и правдивость. Шама есть также подавление всех ментальных волнений.

САМА ВЕДА (Санскр.) Букв., "Писание - или Шастра - покоя". Одна из четырех Вед.

САМАДХАНА (Санскр.) То состояние, в котором йог больше не может уклониться от пути духовного продвижения; когда все земное, за исключением видимого тела, перестало для него существовать.

САМАДХИ (Санскр.) Состояние экстатического и полного транса. Этот термин происходит от слов Сам-адха, "само-обладание". Тот, кто обладает этой силой, способен осуществлять абсолютный контроль над всеми своими способностями, физическими и ментальными; это высшее состояние Йоги.

САМАДХИНДРИЯ (Санскр.) Букв., "корень сосредоточения"; четвертый из пяти корней, называемых Панча Индрияни, которые, как указано в эзотерической философии, являются посредниками в достижении высоко нравственной жизни, ведущей к святости и освобождению; когда это будет достигнуто, два духовных корня, дремлющих в теле (Атма и Буддхи), пустят побеги и расцветут. Самадхиндрия - это орган экстатической медитации в упражнениях Радж-йоги.

САМАЭЛЬ (Евр.) Каббалистический титул Князя тех злых духов, которые олицетворяют воплощение человеческих пороков; ангел Смерти. Отсюда появилась идея Сатаны.

САМАДЖНА (Санскр.) Букв., "озаренный (или светящийся) Мудрец". Если перевести буквально, то Самгхарана Самаджна, знаменитая вихара близ Кустаны (Китай), означает "монастырь светящегося Мудреца".

САМАНА (Санскр.) Одно из пяти дыханий (Пран), которые осуществляют химическое действие в животном теле.

САМАНЕРА Начинаящий; кандидат в буддийские жрецы.

САМАНТА БХАДРА (Санскр.) Букв., "Вселенский Мудрец". Имя одного из четырех Бодхисаттв Школы Йогачарья, Махаяны (Большой Колесницы), Мудрости этой системы. Существует четыре земных и три небесных Бодхисаттвы; только первые четыре действуют в теперешних расах, но в середине пятой Коренной расы появился пятый Бодхисаттва, который, согласно эзотерической легенде, был Готама Будда, но, появившись слишком рано, должен был телесно исчезнуть на время из мира.

САМАНТА ПРАБХАСА (Санскр.) Букв., "вселенский блеск" или ослепительный свет. Имя, под которым каждый из 500 совершенных Архатов вновь появляется на земле как Будда.

САМАНЬЯ (Санскр.) Объединение или смешение качеств, абстрактное понятие рода, напр., человеческого.

САМАНАТТИ (Санскр.) Абсолютное сосредоточение в Раджа-Йоге; процесс развития, с помощью которого достигается (апатти) совершенное безразличие (Само). Это состояние - последняя ступень развития перед тем, как достигается возможность вступления в Самадхи.

САМАЙА (Санскр.) Религиозное предписание.

ШАМБАЛА (Санскр.) Исключительно таинственное место, вследствие его связи с будущим. Город или селение, упомянутое в "Пуранах", откуда, как возвещает пророчество, появится Калки Аватар. "Калки" - это Вишну, Мессия на Белом Коне браминов; Майтрейя Будда буддистов; Сосиош парсов и Иисус христиан (см. "Откровения"). Одни говорят, что все эти "вестники" должны появиться "перед разрушением мира"; другие - что перед концом Кали Юги. Именно в Шамбале будет рожден грядущий Мессия. Некоторые востоковеды отождествляют с Шамбалой современный Мурадабад в Рохилканде (северо-западные провинции), тогда как Оккультизм помещает ее в Гималаях. Произносится Шамбала (Shambhala).

САМБХОГАКАЯ (Санскр.) Одно из трех "Одеяний" славы или тел, приобретаемых аскетами на "Пути". Некоторые секты считают это

второй, тогда как другие - третьей из Буддакшетр или форм Будды. Букв., "Тело Возмещения" (см. "Голос Безмолвия", Словарь III). Существуют семь таких Буддакшетр, причем из них Нирманакая, Самбхогакая и Дхармакая составляют Триаду или тройное свойство.

САМГХА (Санскр.) Корпоративное собрание или кворум жрецов; называется также Бхикшу Самгха; слово "церковь", употребляемое в переводах, совершенно не отражает подлинный смысл.

САМКХАРА (Пали.) Одна из пяти Сканд или атрибутов в Буддизме.

САМКХАРА (Пали.) "Склонности ума" (см. "Сканды").

САММА САМБУДДА (Пали.) Память о всех прошлых воплощениях; феномен йоги.

САММА САМБУДДА (Пали.) Титул Владыки Будды, "Владыки кротости и смирения"; это означает "совершенное озарение".

САМОФРАКИЯ (Греч.) Остров, прославленный благодаря своим Мистериям, по-видимому, самым древним из когда-либо учреждавшихся в нашей теперешней расе. Самофракийские Мистерии были известны во всем мире.

САМОФРАКИЙЦЫ (Греч.) Название Пяти богов, которым поклонялись во время Мистерий на острове того же названия. Их считают идентичными с Кабейри, Диоскурами и Корибантами. Они носили мистические имена, отвечающие Плутону, Церере и Прозерпине, Вакху и Эскулапу, или Гермесу.

САМПАДЖНАНА (Санскр.) Сила внутреннего просветления.

САМСКАРА (Санскр.) Букв., от Сам и Кри, улучшить, утончить, внушить. В индийской философии этот термин используется для обозначения отпечатков, оставленных в уме индивидуальными действиями или внешними обстоятельствами, и способных выявляться

при любом благоприятном случае в будущем - даже в будущем рождении. Поэтому Самскара означает зачатки наклонностей и импульсов из предыдущих рождений, которые должны развиваться в этой или в следующих джанмах или реинкарнациях. В Тибете Самскара называется Дудьед, а в Китае определяется - или по крайней мере связывается с этим - как действие или Карма. Строго говоря, это метафизический термин, который в экзотерических философиях определяется по-разному; напр., в Непале как иллюзия, в Тибете - представление, а на Цейлоне - пристрастие. Истинный смысл таков, как указано выше, и. как таковая, Самскара связана с Кармой и ее работой.

САМТАН (Тибет.) То же, что Дхиана или медитация.

САМВАРА (Санскр.) Божество, которому поклоняются тантрики.

САМВАРТА (Санскр.) Меньшая Кальпа. Период в творении, после которого происходит частичное уничтожение мира.

САМВАРТТА КАЛЬПА (Санскр.) Кальпа или период разрушения, то же, что Пралайа. Каждая коренная раса и под-раса подвержены подобным Кальпам разрушения; пятая коренная раса имеет шестьдесят четыре подобных катаклизма через определенные промежутки времени, а именно: пятьдесят шесть от огня, семь от воды и одну небольшую Кальпу от ветров или циклонов.

САМВАТ (Санскр.) Название индийской хронологической эры, которая, как считают, началась за пятьдесят семь лет до Р.Х.

САМВРИТИ (Санскр.) Ложное умозаключение - источник иллюзий.

САМВРИТИСАТЬЯ (Санскр.) Истина, перемешанная с ложными умозаключениями (Самврити); противоположность абсолютной истины - или Парамартхасатьи, самосознания в абсолютной истине или реальности.

САМЬЯГАДЖИВА (Санскр.) Нищенство в религиозных целях; правильный обет. Это четвертая Марга (путь), клятва бедности, обязательная для каждого Архата и монаха.

САМЬЯГДРИШТИ (Санскр.) Способность обсуждать истину. Первая из восьми Марг (путей) аскета.

САМЬЯККАРИАНТА (Санскр.) Последняя из восьми Марг. Строгая чистота и соблюдение честности, незаинтересованности и бескорыстности, отличительных черт каждого Архата.

САМЬЯКСАМАДХИ (Санскр.) Абсолютная ментальная кома. Шестая из восьми Марг; достижение полного Самадхи.

САМЬЯКСАМБУДДА (Санскр.) или Саммасамбудда, как произносится на Цейлоне. Букв., Будда правильного и гармоничного знания, и третий из десяти титулов Шакьямуни.

САМЬЯТТАКА НИКАЯ (Пали.) Буддийский труд, составленный главным образом из диалогов Будды с его учениками.

САНА (Санскр.) Один из трех эзотерических Кумар, имена которых Сана, Капила и Санатсуджата; таинственная триада, содержащая тайну зарождения и реинкарнации.

ШАНА или Шанаишчара (Санскр.) То же, что Шани или планета Сатурн. В индуистском Пантеоне он сын Сурьи, Солнца и Санджны - Духовного Сознания, дочери Вишва-Кармана, - или, вернее, Чхайи, тени, оставленной Санджной. Шанаишчара, "медленно движущийся".

САНАКА (Санскр.) Сокровенное растение, волокна которого вплетаются в желтые одежды буддийских жрецов.

САНАТ КУМАРА (Санскр.) Самый выдающийся из семи Кумар, Вайдхатра, первые из которых зовутся Санака, Сананда, Санатана и Санат Кумара; все эти имена суть важные модификации степеней человеческого интеллекта.

САНАТ СУДЖАТИЯ (Санскр.) Труд, посвященный учениям Кришны, подобным тем, что в "Бхагавад Гите" и "Анугите".

САНЧА-ДВИПА (Санскр.) Один из семи больших островов Сапта-Двип.

САНХУНИАФОН (Греч.) До-христианский писатель по финикийской Космогонии, труды которого больше недоступны. Филон Библейский приводит только так называемые фрагменты Санхуниафона.

САНДАЛФОН (Евр.) Каббалистический Князь Ангелов, символически представленный как один из Херувимов Ковчега.

САНДХЬЯ (Санскр.) Период между двумя Югами, утро-вечер; все что вступает между двумя Югами и соединяет их. Букв., "сумерки"; период между полной Манвантарой, или "Днем", и полной Пралайей, или "Ночью", "Брамы".

САНДХЬЯМСА (Санскр.) Период, следующий за Югой.

САНГХАЙ ДАГ-ПО (Тибет.) "Сокрытый Владыка"; титул тех, которые растворились в Абсолюте и отождествили себя с Ним. Употребляется по отношению к "Нирвани" и "Дживанмуктам".

САНГЬЕ КХАДО (Санскр.) Царица Кхадо или гений женского рода; Дакини индусов и Лилит евреев.

САНДЖНА (Санскр.) Духовное Сознание. Жена Сурьи, Солнца.

ШАНКАРА (Санскр.) Имя Шивы. Также великий ведантийский философ.

САНКХЬЯ (Санскр.) Философская система, основанная Риши Капилой, системой аналитической метафизики, и одна из шести Даршан или школ философии. Она занимается численными категориями и значением двадцати пяти татв (сил природы различных степеней). Эта "атомистическая" школа, как некоторые называют ее, объясняет природу с помощью взаимодействия двадцати четырех элементов с пурушей (духом), модифицируемого тремя гунами (качествами); учит вечности прадханы (извечной, однородной материи), или само-преображению природы и вечности человеческих Эго.

САНКХЬЯ КАРИКА (Санскр.) Труд Капилы, содержащий его афоризмы.

САНКХЬЯ ЙОГА (Санскр.) Система Йоги, выработанная вышеупомянутой школой.

САННА (Пали.) Одна из пяти Сканд, а именно, свойство абстрактных идей.

САННЬЯСИ (Санскр.) Индусский аскет, достигший высшего мистического знания; чей ум сосредоточен только на высшей истине, и который полностью отверг все земное и мирское.

САНСАРА (Санскр.) Букв., "вращение", океан рождений и смертей. Человеческие перевоплощения, представленные в виде непрерывного круга, колеса, которое всегда в движении.

САНСКРИТ (Санскр.) Классический язык браминов, который никогда не был известен и на котором никогда не говорили в его правильной систематизированной форме (позже приблизительно данной Панини), за исключением посвященных браминов, так как это был преимущественно "язык мистерий". Теперь он выродился в так называемый Пракрит.

САНТА (Санскр.) Букв., "спокойствие". Первичное качество латентного, недифференцированного состояния элементарной материи.

САНТАТИХ (Санскр.) "Отпрыск".

САФАР (Евр.) Серафим; один из тех, которые в Каббале зовутся - Сефер, Сафар и Сипур или "Число, Числа и Перечисленные", посредством которых был создан мир.

САПТА (Санскр.) Семь.

САПТА БУДДХАКА (Санскр.) Описание в "Маханидана Сутре" Сапта Будд, семи Будд нашего Круга, из которых Готама Шакьямуни эзотерически пятый, а экзотерически, как маскировка, седьмой.

САПТА САМУДРА (Санскр.) "Семь океанов". Они имеют оккультное значение на более высоком плане.

САПТА СИНДХАВА (Санскр.) "Семь священных рек". Ведийский термин. В трудах Зенда они названы Хапта Хэандо. Эти реки тесно связаны с эзотерическими учениями восточных школ, и имеют большое оккультное значение.

САПТА ТАТХАГАТА (Санскр.) Главные семь Нирманакай среди бесчисленных древних охранителей мира. Их имена высечены на семиугольной колонне, хранимой в тайной комнате почти во всех буддийских храмах Китая и Тибета. Востоковеды ошибаются, считая, что они суть "семь буддийских заменителей Риши браминов". (См. "Татхагата-гупта".)

САПТАДВИПА (Санскр.) Семь священных островов или "континентов" в "Пуранах".

САПТАЛОКА (Санскр.) Семь высших областей, начиная от земли и выше.

САПТАПАРНА (Санскр.) "Состоящий из семи частей". Растение, давшее свое имя знаменитой пещере, вихаре, в Раджагрихе, теперь близ Буддагайи, где Владыка Будда обычно медитировал и наставлял своих Архатов, и где после его смерти состоялся первый Собор. Пещера эта состояла из семи залов, отсюда и название. В Эзотеризме Саптапарна есть символ "состоящего из семи частей Человека-Растения".

САПТАРШИ (Санскр.) Семь Риши. Как звезды они суть созвездие Большой Медведицы, и как таковые называются Рикша и Читрашикхандины, ярко-увенчанные.

САР или Сарос (Халд.) Халдейский бог, имя которого, представленное кругообразным горизонтом, греки заимствовали для своего слова Сарос, цикл.

САРАМА (Санскр.) В "Ведах" собака Индры и мать двух псов, названных Сарамейами. Сарама - "божественных страж" этого бога и то же, что и тот, который охранял "золотую стаю звезд и солнечных лучей"; то же, что планета Меркурий и греческий Гермес, называемый Сарамеем.

САРАФ (Евр.) Летающий змий.

САРАСВАТИ (Санскр.) То же, что Вак, супруга и дочь Браммы, сотворенная из одной из половин его тела. Она богиня речи и сокровенного или эзотерического знания и мудрости. Также называется Шри.

САРКОФАГ (Греч.) Каменная гробница, вместилище для мертвого; sarc = плоть, phagein = питаться. Lapis assius, камень, из которого делались саркофаги, встречается в Ликий, и он обладает свойством поглощать тела всего за несколько недель. В Египте саркофаги делались из разных других камней - из черного базальта, красного гранита, алебаstra и других материалов, так как они служили всего лишь внешними хранилищами деревянных гробов, содержащих мумии. Эпитафии на некоторых из них столь же замечательны, сколь и высоко этичны, и ни один христианин не мог бы пожелать ничего лучшего. Одна эпитафия, датированная тысячелетиями до первого года нашей современной эры, гласит: "Я подал напиток тому, кто жаждал, и одел того, кто был наг. Я не делал зла ни одному человеку." Еще одна: "Я совершал дела, желанные людям, и те, что предписаны богами." О красоте некоторых из этих гробниц можно судить по алебастровому саркофагу Ойменета I, в Музее сэра Джона Соуна, Линкольн Инн. "Он был высечен из монолитной глыбы прекрасного алебаstra, и имеет 9 футов 4 дюйма в длину, 22 - 24 дюйма в ширину, и 27 - 32 дюйма в высоту... Выдолбленные точки и проч., снаружи некогда были заполнены синей медью для олицетворения небес. Попытка описать прекрасные фигуры внутри и снаружи выходит за рамки настоящей работы. Многие из наших знаний о мифологии этого народа получены благодаря этому чудесному памятнику, с сотнями фигур, иллюстрирующими последний суд и жизнь по ту сторону могилы. Боги, люди, змеи, символические животные и растения высечены с изумительной красотой." ("Funeral Rites of the Egyptians.")

САРГОН (Халд.) Царь Вавилона. Эта история, как теперь установлено, является первоисточником повествования о Моисее и плоти из камыша на Ниле.

ШАРИРА (Санскр.) Оболочка или тело.

САРИСРИПЫ (Санскр.) Змеи, ползающие насекомые, пресмыкающиеся, "бесконечно малые".

САРКУ (Халд.) Букв., светлая раса; раса богов в противоположность темной расе, называемой захмат гагнади, или падшей расой, т.е. смертным людям.

САРПЫ (Санскр.) Змии, царем которых был Шеша, змий - или, вернее, один из аспектов Вишну - правивший в Патале.

САРПА РАДЖНИ (Санскр.) Царица змей в "Брахманах".

САРВА МАНДАЛА (Санскр.) Название "Яйца Браммы".

САРВАДА (Санскр.) Букв., "все жертвующий". Титул Будды, который в одной из прежних Джатак (рождений) пожертвовал своим царством, свободой и даже жизнью, чтобы спасти других.

САРВАГА (Санскр.) Наивысшая "Мировая Субстанция".

САРВАТМА (Санскр.) Наивысшая Душа; все-проникающий Дух.

САРВЕША (Санскр.) Всевышнее Существо, контролирующее каждое действие и силу во вселенной.

САТ (Санскр.) Единая вечно-сущая Реальность в бесконечном мире; божественная сущность, которая есть, но о которой нельзя сказать, что она существует, так как это Абсолютность, сама Бытийность.

ШАТА РУПА (Санскр.) "Имеющая сто форм"; относится к Вак, которая, будучи женским аспектом Браммы, принимает сто форм, т.е. к Природе.

САТИ (Егип.) Триадическая богиня, с Аноуки египетского бога Хнума.

САТТА (Санскр.) "Единственное и единое Существование" - Брахма (сред. р.).

САТТИ или Satwa (Санскр.) Доброта; то же, что Sattva, или чистота; одна из тригун, или трех подразделений природы.

САТИА (Санскр.) Высшая истина.

САТИА ЛОКА (Санскр.) Мир беспредельной чистоты и мудрости, небесная обитель Браммы и богов.

САТИА ЮГА (Санскр.) Золотой век, или век истины и чистоты; первая из четырех Юг, также называемая Крита Югой.

САТИИ (Санскр.) Одно из названий двенадцати великих богов.

СКАРАБЕЙ В Египте - символ воскресения, также перевоплощение; воскресения для мумии или, вернее, для высших аспектов личности, которая оживляла ее, и перевоплощения для Эго, "духовного тела" низшей, человеческой Души. Египтологи раскрывают лишь половину истины, когда, размышляя над значением некоторых надписей, они говорят, "оправданная душа, раз достигшая определенного периода своих странствий (просто, по смерти физического тела), должна быть соединена со своим телом (т.е. Эго), чтобы никогда больше не отделяться от него" (Руже). Что есть это так называемое тело. Может ли оно быть муми. Несомненно нет, ибо выпотрошенный мумифицированный труп никогда воскреснуть не может. то может быть лишь вечное, духовное одеяние, Эго, которое никогда не умирает, но дает бессмертие всему, что соединится с ним. "Освобожденный Разум, (который) вновь облачается в свою светящуюся оболочку и (вновь) становится Daimon", как выражается проф. Масперо, есть духовное Эго; а личное Эго или Кама-Манас, его прямой луч, или низшая душа, есть то, что стремится стать Озирифицированным, т.е. соединяется со своим "богом"; и та частица его, которая преуспеет в этом, никогда больше не отделится от него (бога), даже тогда, когда последний будет воплощаться вновь и вновь, периодически сходя на землю в своем странствии, в поисках дальнейшего опыта и следуя велениям Кармы. Хем, "сеятель семян", на стелле в картине Воскресения после физической смерти, показан как творец и сеятель злаковых зерен, которые, после разложения, прорастают вновь и каждый раз в новом колосе, на котором держится скарабей; и Девериа очень правильно указывает что "Птах является инертной, материальной формой Озириса, который станет Сокари (вечным Эго), чтобы возродиться, и после этого стать Хармахом", или Гором в его превращении, воскресшим богом. Молитва, так часто встречающаяся в надгробных надписях - "желание воскресения в своей живой душе", или Высшим Эго - всегда имеет в конце скарабея, олицетворяющего личную душу. Скарабей является самым почитаемым, также самым частым и привычным из всех символов египтян. Ни одна мумия не обходится без нескольких скарабеев, - это священный жук является излюбленным украшением высеченных изображений, домашней утвари и мебели, и Пьерре в своей "Livre des Morts" уместно замечает, что сокровенное значение этого иероглифа достаточно ясно объясняется тем, что египетская название скарабея, Хепер, означает быть, стать, выстроить вновь.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

1. ЗНАМЕНИТЫЕ УБИЙЦЫ

1.1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

1.1.1. Джордж Джозеф Смит.

Он родился в 1872 г. в семье страхового агента. В возрасте 9 лет Джордж попал в исправительный дом и в дальнейшем мужественно не отступал от выбранного пути. Промышлял он воровством, мошенничеством, а затем занялся брачными аферами. Венцом его "карьеры" стала серия убийств.

Дело Джорджа Смита потрясло невозмутимых британцев и на какое-то время затмило даже фронтовые сводки (шла первая мировая война). Позднее по мотивам этой истории Агата Кристи написала рассказ "Коттедж Филомелы", — правда, придумав иной финал.

Итак, суть преступлений Джорджа Д. Смита состояла в том, что он женился, страховал жизнь

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

своей жены, а затем топил ее в ванне, имитируя несчастный случай. Он успел проделать это трижды, пока не попал в поле зрения инспектора Скотланд-Ярда Артура Фаулера Нила.

Первой женой Смита была 32-летняя Бесси Манди. Под именем Генри Уильямса Смит женился на ней, снял односемейный дом в Хэрн-Бэе и вскоре приобрел ванну. На другой день после покупки "Уильямс" посетил местного врача и пожаловался, что его жена страдает эпилептическими припадками. Сама Бесси жаловалась врачу лишь на головную боль. 13 июля 1912 г. "Уильямс" вызвал врача срочной запиской - оказалось, что Бесси утонула, принимая ванну. Со слов доктора, который, в свою очередь, принял на веру слова "Уильямса", коронер записал в свидетельстве, что смерть наступила из-за эпилептического припадка при погружении в воду. "Уильямс" оказался наследником 2700 фунтов (тогда фунт еще чего-то стоил).

Второй женой Смита была двадцатипятилетняя Элис, урожденная Барнхэм. И здесь все было очень похоже - недомогание накануне, визит к врачу, на другой день (12 декабря 1913 г.) прием ванны и - Элис утонула. А муж в это время выходил из дома, чтобы купить яиц. Врач пришел к мнению, что горячая ванна вызвала у миссис Смит сердечный приступ или обморок, приведший к печальным последствиям. Жизнь Элис была застрахована на 500 фунтов.

Третья жена и жертва Смита Маргарет Элизабет Ллойд, 38 лет, утонула в ванне 18 декабря 1914 г. Накануне у нее болела голова, и она в сопровождении мужа посетила врача. В день смерти она чувствовала себя удовлетворительно. Смит ушел на прогулку, а вернувшись, спросил у квартирной хозяйки, где его жена. Маргарет Ллойд они обнаружили в ванной комнате, захлебнувшейся водой. Врач, который лечил Маргарет Ллойд, решил, что грипп и горячая ванна привели ее к обмороку, из-за чего она и захлебнулась. Незадолго перед смертью миссис Ллойд сняла деньги в сберегательной кассе и, кроме того, застраховала свою жизнь на 700 фунтов.

Первым, кто обратил внимание на такую похожесть смертей, оказался инспектор Нил. Прочитав и сопоставив давние газетные сообщения, он заподозрил неладное и после предварительного расследования арестовал Смита, когда тот занимался оформлением необходимых документов для получения страховой суммы после смерти Маргарет Ллойд.

1 февраля 1915 г. инспектор подошел к Смицу, собиравшемуся войти в страховую контору.

- Я инспектор Нил, - представился Артур. - А вы
- Джордж Ллойд?
- Да.

- Тот самый Джордж Ллойд, жена которого в ночь на 18 декабря утонула в ванне дома на Бисмарк-роуд в Хайгете?

- Да, я ее муж.

- Я имею основания предполагать, что вы также Джордж Смит, жена которого в 1913 году утонула через несколько недель после свадьбы в ванне в Блэкпуле.

- Смит? - пожал плечами Джордж Смит. - Я не знаю никакого Смита. Моя фамилия не Смит.

- В таком случае я вынужден арестовать вас за сообщение ложных сведений о своей личности.

Арестовать Смита было несложно, куда сложнее было доказать его вину, в которой инспектор был абсолютно убежден. Но убеждение следователя - это не аргумент для присяжных.

В ходе расследования Артур Нил выяснил, что ни у одной из утонувших жен Уильямса-Смита-Ллойда не было на теле ни малейших следов насилия. Эксгумация и исследование внутренних органов также не говорили ни о чем подозрительном.

Тогда Артур Нил стал проводить эксперименты с опытными пловчихами. При любых ситуациях получалось, что невозможно опустить голову в воду в небольшой ванне без применения насилия. Но это значит, что должны были остаться следы!

Однажды, во время очередного эксперимента, инспектор схватил пловчиху за

ноги и дернул на себя. Она мгновенно ушла под воду и потеряла сознание. Полчаса потребовалось после этого инспектору и помогавшему ему сержанту, чтобы вернуть пловчиху к жизни. Едва не погубив человека, Артур Нил раскрыл секрет Джорджа Смита. Научную сторону вопроса блестяще обосновал эксперт Бернард Спилсбери, и 30 июня 1915 г. при огромном наплыве публики (в основном, одинокие женщины) Джордж Смит был приговорен к смертной казни через повешение.

В рассказе же Агаты Кристи убийцу разоблачает не инспектор полиции, а очередная женщина, на которой преступник женился, собираясь лишить ее жизни, чтобы получить наследство.

(продолжение предполагается)

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

УК

Старопечатных книг у тестя - целый склад. Когда Бенедикт доступ к книгам-то получил - и-и-и-и-и-и! - глаза-то у него так и разбежались, ноги подкосились, руки затряслись, а в голове паморок сделался. Горница такая просторная, на самом верхнем этаже, и с окнами, а вдоль стен всё полки, полки, полки, а на полках-то всё книги, книги, книги! И большие, и маленькие, всякие. Которые совсем с ладошку, - а буквы в них большие. А которые большие - а буквы в них малые. Есть книги, - а в них картинки, да не простые, а цветные! Право слово, цветные! Цельная книга цветных картинок, а на них бабы голые, розовые, - и на траве сидят, и на тубарете, и в раскорячку, и по-всякому! Которые тощие, как метла, а другие ничего, полненькие. Одна вон на лежанку лезет и одеялку откинула, - ничего бабец. Ничего.

Полистал дальше, - мужики какие-то идут себе куда-то, идут, идут, с граблями, - должно, репу сажать.

Потом море, а на нем ладья, а над ней на палках простыни. Видать, постирушку затеяли и сушат. Но дак оно и удобно: вон в море воды сколько.

Опять отлистал назад, где баба на лежанку лезет. Хорошая баба. Вроде Оленьки, только личико без сметаны.

Потом еще много голубчиков на зверях сидят, - звери эти вроде козляка, но без бороды. Тесть сказал: это конь. Конь. Ага. Это, значит, вот он какой, конь. Страшный какой. Но а эти-то сели на него и не боятся.

Потом цветы цветные. Горшок, а из него цветы торчат. Это скучно. Потом вообще всё закалякано, не разбери поймешь чего. Тоже скучно. Потом еще полистал, а там картинка такая: ничего на картинке нет, один лист белый, а посередь черная дыра квадратная. Больше ничего. Вроде как конец всему. Смотрел на дыру, смотрел, - вдруг так что-то страшно стало, как во сне. Захлопнул быстро книгу и бросил.

В других книгах тоже картинок без числа. Бенедикт три дня на полу сидел, листал. Чего только не нарисовано, и-и-и, Боже ты мой, Господи! Девушки такие приятные с дитем сидят, смеются, а вдали белые дороги, зеленые холмы, а на холмах города горкой, светлые такие, голубые али розовые, как заря. Мужики сурьезные, важные, на голове шапка блином, на грудях цепь желтая, рукава пышные, как у бабы. А то целая толпа голубчиков, и ребятенки малые с ними, а только все голые, только тряпки цветные на них накручены, и будто летят куда вверх, а цветов да венков набрали, - ужаси. А должно, на прополку всем семейством ходили, а лихие люди их ограбивши, зипуны-то посрываюши.

Раз знакомое что-то на глаза попало - никак, "Демон". Точно. Это что Федор Кузьмич в дар

преподнес. Бенедикт долго сидел - аж ноги затекли, смотрел на "Демона", думал. Вот одно дело других слушать, а совсем другое - самому видеть: точно это, не наврали, не Федор Кузьмич книги пишет, а другие голубчики. Вот приглянулся, видать, Федору Кузьмичу, слава ему, этот демон, он хватъ - и выдрал картинку-то из книги-то. Вот ведь какой, - маленький, да удаленький. А как-то горько: обманул Бенедикта, обставил, за дурака посчитал.

После этих книжек сны снились цветные, с сердцебиением. Всё больше холмы зеленые, муравой укрытые, да дорога, а будто бежит Бенедикт по той дороге легкими ногами, и сам дивится: до чего бежать-то легко стало! А на холмах деревья, а тень от них резная да бегучая: солнце сквозь листья играет, на мураве пляшет. А он бежит себе да смеется: вот до чего же легко, рассказать бы кому! А никого и нетути, все будто попрятamшись. А тоже ничего: когда надо, выйдут, вместе с Бенедиктом смеяться будут! А куда он бежит, он не знает, а только ждет его кто-то и радуется, похвалить хочет: хороший Бенедикт, хороший!..

А то будто он вроде как летать умеет. Невысоко, правда, и недолго, но все-таки. Это тоже на дороге, но вроде темно. И тепло. Лето, стало быть. Вот будто на Бенедикте штаны белые, и рубаха белая тож. И вот будто он понял: ежели ногой от земли оттолкнуться, а потом спину-то эдак прогнуть, а руками в стороны разводить по-лягушачьи, то прямо по воздуху

плыть можно, аршин десять можно проплыть. А потом сила эта вроде как иссякает, дак опять ногой оттолкнуться, и опять плыви. И будто Бенедикт это кому-то показывает, разъясняет. Вот, дескать, как это просто, только спину прогнуть, а животом к земле, а руками, дескать, вот эдак. Проснешься - вот жалость: умел ведь летать-то, а к утру забыл.

А раз приснилось, будто хвост у него вырос кружевной да резной, весь белый, как у Княжьей Птицы. Вот он голову через плечо обернул и на свой хвост смотрит... А в горнице темновато и прохладно, и окошко низкое. И солнце в окошко утренним светом бьет и по белым перьям мелкой радугой дробится, дрызгами искристыми. А он хвост то распустит, то снова подберет, и смотрит, как искры по белому играют, как вот снег бывает пушистый, летучий. И уж так ему этот хвост нравится, так уж нравится, - сейчас бы пригнуться, да в окно порхнуть, да на ветку, да по ветке пройтись: ко-ко-ко. Да только хвост этот немного болит, и ходить с ним несподручно. Вот уж он не у окошка, а по лестнице какой-то спускается, а хвост за ним шуршит, по ступеням волочится, тугой такой, прохладный, и еще пышнее стал. И входит Бенедикт в горницу, а там семья. За столом сидят и смотрят... Лаптями елозят. И смотрят так сурово, с осуждением, али гневом, на Бенедикта. Бенедикт тоже смотрит - а он голый. Забыл штаны надеть, али потерял, али что. А надо обедать. Вот он за стол садится, и хочет хвостом срамоту прикрыть, и так, и эдак, а

не выходит, потому как хвост короткий. Как же так: сейчас ведь длинный был, волочился, а тут вдруг короткий. Он его руками-то на шаривает, голову вывертывает, из подмышки на него смотрит, а хвост уж не тот. Потемнел, и рябой весь, и перья в руках остаются: тронешь - отваливаются...

Вот чудь какая приснится! - не знаешь, что и думать. А когда все книги с картинками пересмотрел, за другие взялся. Сначала глаз старопечатные буквы не брал, вроде как соскакивал. А потом приноровился, будто так и надо. Будто Бенедикт всю жизнь только и делал, что запрещенные книжки читал! Сначала хватал всё без разбора, а потом решил в этом деле порядок навести. Всё подсчитать и по порядку расставить. Книжки с полок сгреб на пол и по-своему всё переделал. Первое время по цвету книжки расставлял: в этот угол желтые, в тот - красные. Не то что-то. Потом по размеру книжки ставил: большие - туда, малые - сюда. Самому не понравилось; а почему не понравилось, потому что на каждой книжке, слышь, на коробке ее обозначено: кто писал. Скажем, Жюль Верн. Так он и большую книжку, коричневую, сочинил, и малую, синенькую. Как их в разные углы пихнешь? - их надо вместе. Потом завыка вышла: есть книжки, а называется журнал, а там не один голубчик сочинявши, а целых десять, да каждый - свое. Эти журналы надо тоже вместе, по цифрам: сначала номер один, потом номер два, а потом, - что же? - надо номер три, а третьего-то

и нет, а сразу семь. Что такое? А нету! Вот досада-то. Может, где завалялось, потом отыщется. А журналы разные, а названия у них чудные, которые понятные, которые нет. Вот "Звезда", это понятно. Это ж дураком надо быть, чтоб не понять. А вот "Кодры", что за "Кодры"? А должно, ошибка вышла, а надо: "кадры". А Тетеря так девушек встречных называет. Бенедикт чернил из ржави сварил, палочку обстругал, навел порядок, всё переправил. А в этом журнале про девушек, правда, много понаписано.

А вот есть "Вопросы литературы". Бенедикт посмотрел: никаких там вопросов, одни ответы. А должно, был номер с вопросами, да пропал. Тоже жалко.

А есть журнал "Картофель и овощи", с картинками. А есть "За рулем". А есть "Сибирские огни". А есть "Синтаксис", слово какое-то вроде как непристойное, а что значит, не понять. Должно, матерное. Бенедикт пролистал: точно, матерные слова там. Отложил: интересно. На ночь почитать.

А есть "Задушевное слово". "Вестник Европы". "Весы". Эти какие-то не такие, сильно плесенью пахнут, но это неважно, а вот там среди букв, почитай, в каждом слове, еще какие-то буквы, науке неизвестные. Бенедикт думал, это не по-нашему, а по-кохинорски, а потом приловчился читать, и ничего, перестал лишние буквы замечать, будто их и нету.

А некоторые голубчики расстарались, сочинили книги аккуратненькие, одинакового размера и в одинаковый цвет покрашены, а называется "собрание сочинений". Вот Золя, например. Или Антонина Коптяева. А в этих собраниях еще чего учудят: портрет голубчика, что сочинял, нарисуют. Такие портреты смешные, ужаси. Вот голубчик Сергей Сартаков: уж такое личико неудобосказуемое, на улице повстречаешь, - шарахнешься. А тоже сидел, сочинял. Много сочинил.

Которые книги трепаные, грязные, листы с них вываливаются, а которые - уж такие чистенькие, как вчера сделаны. Любо-дорого посмотреть. Скажем, Антон Чехов. До того книга у него трепаная! Видать, криворукий мужик, забулдыга. Может, подслеповатый был. Вон на лице у него, на глазках - Последствие: оглобелька, и веревка с нее висит. А вот Коптяева, видать, баба чистая, себя соблюдает. Уж такая книжечка, можно сказать, нетронутая. Коптяеву тоже себе на ночь отложил.

Тесть пришел, посмотрел, как Бенедикт всё переставил, - похвалил:

- Я смотрю, ты культуру любишь.**
- Культуру страсть как люблю.**
- Дело хорошее. Мы тоже читать любим. Другой раз в кружок сядем, читаем.**
- М-м.**
- А то есть которые культуру не уважают, портят.**

- М-м.
- Страницы вырывают, немытыми руками листают.
- Ага... Это кто?..
- Есть такие...
Постоял, подышал, - вся горница нехорошим пропахла, - и ушел.

Вот Бенедикт с утра, не пимши не емши, только морду ополоснет, - и читать. Зовут обедать, - вот досада, на самом интересном месте оборвут! Сначала он так делал: быстро сбегает, накидает в рот чего ни попадя, - и опять к книге. А потом сообразил: можно и за столом читать. Даже вкуснее, и времени не теряешь. Семейство, конечно, обижается. Теща обижается, что Бенедикт ее стряпню мало хвалит, Оленька, - что он в книжках про баб вычитывает, а она сидит одна, как дура. Тесть вступается: оставьте его, это искусство.

Оленька воет:

- Он книжки читает, а на меня никакого внимания!

Тесть на защиту встал:

- Не твоего ума дело! Молчи! Читает - значит надо.

- Чего он там читает-то? Он про баб читает! А на жену не смотрит! Вот порву все книжки-то ваши!

- Ничего не про баб! Вот, написано: "Роджер вынул пистолет и прислушался. Скрипнула дверь". А не про баб.

- Видишь? Он не про баб.

- Ну конечно! Не про баб! Чего ж он писдолет-то вынул, срамник?

- Дак сейчас мистер Блэк войдет, а он его по балде пистолетом. Роджер-то. Он за портьерой спрятавшись. Не мешай.

- Какой такой мистер Блэк?

- Семейный нотариус. Не мешай.

- Чего ж он семейному человеку свой писдолет выкладывает? Свою семью заведи да и выкладывай!

- Вот то-то ты и есть дура! - это тесть ей. - Семья семьей, а производственный процесс знать надо. Муж твой тебе не для забавы даден, а как есть он гражданин общества, кормилец и защитник. Тебе хиханьки, а ему учеба. Зять!

- М?

- Ты еще "Гамлет" не читал?

- Нет еще.

- Прочти. Нельзя пробелы в образовании... "Гамлет" обязательно прочесть надо.

- Хорошо, прочту.

- Еще "Макбет" прочти. Ох, книга хорошая, ох, полезная...

- Ладно.

- "Муму" обязательно. Сужет очень волнующий. Камень ей на шею, да и в воду... "Колобок" тоже.

- "Колобок" я читал.

- Читал?! Здорово, да?

- Ага.

- Как-к она его!.. Ам!.. Лиса-то... Да, брат, лиса - это, знаешь... Лиса она и есть... Лисанька... Ам!

- Да, жалко...

- При чем тут!.. Это ж искусство! Тут, брат, не жалко, а намек... Понимать надо... Басни Крылова читал?

- Басни начал.

- Хорошие есть... "Волк и ягненок". Хорошая. "Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!" Поэзия.

- Я больше люблю с приключениями.

- А-а, чтоб не сразу?.. А вот "Охотники за головами", желтенькая. Непременно прочти.

- Слушайте, да не мешайте мне! Прочту я! Вы мне мешаете! Дайте почитать спокойно.

- Все, все! Молчим! - Тесть палец к губам приложил. - Работай, учись спокойно. Молчим, молчим.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

27

В театре Данилов узнал, что привезли несгораемые шкафы для инструментов оркестра. Трубач Тартаковер исполнил "Славься" в честь администрации и профсоюзов. Не один Данилов имел дорогой инструмент. Были в оркестре замечательные скрипки, деревянные духовые, да и медные, редких свойств и судеб. И их стоило холить и беречь, как Альбани. Данилов получил ключ от именного шкафа, вбил гвоздь для плечиков фрака, подумал, что инструменту в шкафу будет тепло и просторно, и как хорошо было бы, если бы он, Данилов, устраивал теперь в несгораемом шкафу свой Альбани. Данилов так и присел возле шкафа. В суете последних дней он почти не вспоминал об Альбани. А вот теперь

ему стало худо. Будто пропажа только что обнаружилась. Данилов захотел сейчас же пойти позвонить в отделение милиции. Он пошел и позвонил. Ему ответили, что пока альт найти не удалось, но розыски ведутся, сейчас они поручены старшему лейтенанту Несынову.

"Да зачем я! — спохватился Данилов. — Опять будто дитя малое! Что я занятых людей обременяю пустыми хлопотами! Теперь еще и лейтенанта Несынова! Ведь известно: не было Альбани и не будет! И не должно быть! Переслегина я обязан сыграть на простом инструменте. Или меня следует держать подальше от музыки!"

Однако Данилову было тоскливо. Звуки Альбани опять возникли в его душе...

— Хорош шкаф-то? — услышал он голос Земского.

— Хорош, — согласился Данилов.

— Хорош... Я думаю свой обить сукном... Черным... Могут ведь профсоюзы, если захотят...

— Могут...

— Этот Туруканов напорист, — сказал Земский, имея в виду виолончелиста Туруканова, месткомовского удальца, — ему бы работать директором магазина или снабжением ведать на заводе... Но нынче эта скотина хороша!

Данилов кивнул. И он считал Туруканова порядочной скотиной, однако за шкафы следовало ему поклониться в ноги.

— Ну как, — спросил Земский, — не разгадал тайну М.Ф.К.?

— Не разгадал, — сказал Данилов.

— Говорят, у тебя скоро будет сольное выступление. В клубе завода "Прожектор".

— У меня?

— У тебя. С молодежным оркестром. Будто вы исполните симфонию какого-то начинающего...

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — сказал Земский. — Стало быть, рискуешь начать в твоём-то возрасте? Ну что ж... Коли будет провал, так уж с грохотом... Не боишься?

— Боюсь, — сказал Данилов и отвернулся от Земского.

"При чем тут "Прожектор"?" — подумал Данилов. Впрочем, он знал, что Земский подрабатывает в оркестрах заводских народных опер, там уж он водит смычком по струнам как следует, добиваясь громких звуков, какие и в бухгалтериях были бы слышны. Вот откуда Земский мог иметь сведения о клубе завода "Прожектор".

Следом Данилов вспомнил о своем интересе к происхождению изумрудов. В библиотеке театра книг по минералогии не оказалось, хотя у них на основной сцене и шел когда-то "Каменный цветок". Данилов взял энциклопедию, прочитал про изумруды. Мнение энциклопедии его озадачило. То ли опиралось

оно на устаревшие теории, то ли хлопобуды морочили наивную Клавдию. Так или иначе, но любопытство Данилова обострилось, теперь и не в хлопотах

Клавдии было дело. Данилов решил зайти в научную библиотеку, там познакомиться с последними суждениями об изумрудах. Действительно, как они, изумруды, растут... В чем их тайна? В чем их откровение? Данилов даже напел тему белки из вступления к третьему акту "Царя Салтана". Как там у Александра Сергеевича: "ядра — чистый изумруд"... Однако пошла работа, репетиции и спектакль, потом была Наташа, только утром, у себя в Останкине, Данилов вспомнил об изумрудах.

Но тут же и забыл о них. Позвонил Переслегин.

Звонил он откуда-то из автомата. Данилов слышал звуки трамваев. Переслегин сказал, что все складывается удачно, Данилову надо завтра же встретиться с Юрием Чудецким, дирижером молодежного оркестра, оркестр хороший, полный состав, все профессионалы, пусть Данилов не волнуется. А исполнять симфонию, если Данилов, конечно, не раздумал, ему придется через три недели.

— В клубе завода "Прожектор"? — спросил Данилов.

— Нет, — сказал Переслегин, — во Дворце энергетиков. Мы договорились сначала с "Прожектором", но они передумали. И это

хорошо. Клуб у них для оркестра маленький, у энергетиков куда больше.

— Я завтра свободен утром, в девять.

— Вы будете дома?

— Дома.

— Хорошо. Чудецкий к вам завтра зайдет в девять. Владимир Алексеевич, рад был услышать вас. Я побегу. Хлопоты. Да и барабанят уже в стекло...

— Погодите... — произнес Данилов, но Переслегин, верно, сел в трамвай.

"Экая досада, — подумал Данилов, — я ведь так хотел поговорить с ним и о симфонии, и о музыке, и о жизни, и о выступлении... Да что же это мы! Будто не музыкой заняты, а мылом торгуем..." И были люди, которым Данилов хотел бы открыть душу, да со временем не выходило. Вот ведь как. Петр Ильич — тот в письмах к благодетельнице фон Мекк высказывал свои соображения о музыке и искусстве, изливал душу, а как быть при телефонах? Данилову остро захотелось вступить в переписку с Переслегиным. Он тут же нашел большой лист бумаги. Вспомнил известного композитора. Тот встретит тебя, поговорит, а через два дня случается получить от него письмо. А зачем, спрашивается, письмо, когда и при встрече можно было все сказать? Над тем композитором смеялись: эка, пишет письма для истории, для томов музыкального наследства! Но теперь-то Данилову стало ясно,

что композитор писал послания прежде всего для самого себя — какие сейчас при встречах на бегу душевные беседы! Вот Данилов и взялся за письмо к Переслегину. Однако скоро понял, что послание у него не выйдет, то ли разучился он писать длинные письма, то ли вообще не умел писать их. Открытки еще с дороги, из аэропортов в непогоду, с любезными и пустыми словами отправлял приятелям и приятельницам. Вот и все. И теперь записка кое-как могла у него выйти, но в записке он бы сказал Переслегину не больше, чем пять минут назад по телефону. Данилов расстроился и дал себе слово в свободные часы поучиться писать письма. Чтобы были протяжные и неспешные. Как в девятнадцатом веке. Или еще раньше.

"Три недели! — спохватился Данилов. — А время "Ч"? Они на меня понадеются, а меня — раз! — и след простыл". Однако тут же Данилов запретил себе думать о времени "Ч". Как будто бы оно касалось не его, а другого Данилова.

Данилов убрал ручку и бумагу, решил: "Вот завтра придет дирижер Чудецкий, с ним мы и поговорим о музыке Я его сразу не отпущу". Данилов даже купил бутылку коньяка. Однако в девять утра Чудецкий не пришел а позвонил. Условился с Даниловым о часах репетиций, извинился, сказал, что спешит, и повесил трубку. Теперь Данилов и Чудецкому желал написать письмо.

Он вздохнул, убрал бутылку коньяка, пошел в автомат на улицу Королева выпить пива.

Мужчины возле автомата стояли всегда, но нынче их было больше обычного. Данилов заметил знакомого оператора с телецентра, спросил:

— Что это?

— А Коля, водопроводчик, — сказал оператор, — за двадцать копеек показывает дым.

Тут же мужчин, то ли выпивших пива, то ли еще не пивших, окутало паровозным дымом.

"Про дым-то я забыл! — ужаснулся Данилов. — Надо сейчас же дым прекратить!"

— Вова! — водопроводчик Коля, выйдя из восхищенной толпы, направился к Данилову. — Я тебя пивом угощу!

— У меня есть, — сказал Данилов. — Я рубль разменяю.

— Что менять-то! — Коля чуть ли не обиделся. — Вон сколько двугривенных для автомата. За дым. Дыхнешь — дают двадцать копеек. А кто и с сушками.

— А не тяготит вас дым? — осторожно спросил Данилов. — Вы к врачам не обращались? Вдруг бы они и вылечили...

— Зачем мне врачи? От чего мне лечиться? Мне дым не мешает. Я когда дышу и говорю, он не идет. Могу петь. — Тут Коля остановился и запел: "Стою на полустаночке в цветастом полушалочке, а мимо пролетают поезда", и верно, дыма из него не вышло. — И ем я хорошо. Иногда только мясо пахнет костром. Вроде шашлыка. Это когда я из глубины дыхну,

то дым. А людям нравится. Просят. Как-то я три раза подряд дыхнул — дали воблу.

— Но, может, вы хотите от него отделаться? Не мучит он вас?

— Да ты что! Коля поглядел на Данилова с укором. — У меня жизнь интересная.

"Ну коли так, — подумал Данилов, — что ж я его буду дыма лишать..." Ведь и вправду: вдруг он, Данилов, испортит жизнь человеку. Пусть дышит как хочет. Данилов опустил в щель автомата двугривенный, подаренный Колей, наполнил кружку, но, отпив два глотка, о пиве забыл. В нем возникли вдруг слова и чувства, какие он хотел бы передать и Переслегину и Чудецкому. Явились бы к нему сейчас листы бумаги, он бы их все исписал. "Что я стою-то здесь, пойду домой, напишу им письма. О музыке. Обо всем". Он пошел. Однако его намерениям помешал телефонный звонок.

У звонившего был лирический бас, годный, если бы собеседник Данилова пел, и на баритональные партии — князя Игоря или Мазепы. Вроде бы Данилов его где-то слышал, но где? Говорил незнакомец тихо, таинственно и вместе с тем так, будто Данилов сидел у него дома в клетке. Данилов проверил голос индикатором: нет, звонивший был местной личностью.

— Мне любопытна ваша таинственность, — сказал Данилов. — Однако вы даете мне понять,

что вам многое обо мне известно, стало быть, вы знаете, что у меня мало времени, поэтому прошу вас перейти к сути дела.

— Пока и дела-то никакого нет, — сказал незнакомец, — а есть предложение.

— Какое же?

— Сотрудничать с нами.

— А кто вы такие?

— Ну как вам сказать...

— Так и скажите.

— Настасьинский переулок, квартира Ростовцева...

— Хлопобуды, что ли?

— Это несерьезное дело... Но пусть хлопобуды...

Теперь Данилов узнал. Говорил с ним пегий человек с бакенбардами, возможно, секретарь хлопобудов, заполнявший обычно их вахтенный журнал или конторскую книгу. Но возможно, и не секретарь.

— Вы секретарь с бакенбардами, — сказал Данилов.

— Как вы узнали?

— Я музыкант. Должен иметь слух.

— Звонок мой как бы официальный.

— Вас Клавдия Петровна надоумила?

— При чем тут Клавдия Петровна! Клавдия Петровна — из очереди! Мы вышли на вас сами. А Клавдии Петровне вовсе и не следует знать о моем звонке.

— И чем же вызван ваш официальный звонок?

— Наша инициативная группа — особая, экспериментальная; впрочем, вы имеете о ней некоторое представление. Мы пока самодеятельная группа, но то, что мы делаем, хотя бы своими анализами и прогнозами, должно принести несомненную пользу обществу...

Тут Данилов чуть было не сказал о сомнительности затеи хлопобудов с изумрудами и дипломами, но сообразил, что подведет Клавдию. Промолчал. Он вспомнил о пятнадцати рублях и солидных людях, стоявших с чернильными номерами на ладонях в прихожей у Ростовцева. Сказал:

— Неужели люди из вашей очереди и есть общество?

— Идет эксперимент, и мы можем охватить лишь определенную группу людей, наиболее восприимчивых к условиям нашего опыта.

— Хорошо, — сказал Данилов. — А я вам зачем? Я и в очередь-то не вставал.

— У нас много трудностей. Особенно в области научного прогнозирования. Нам нужна ваша помощь. Естественно, она будет вознаграждена.

— Моя помощь? — удивился Данилов.

— Да, — сказал пегий человек. — Мы знаем о ваших возможностях.

— Я артист оркестра. Какие у меня возможности?

— Речь идет не о ваших музыкальных способностях.

— А о каких?

— Вы сами знаете о каких...

— Вы меня с кем-то спутали.

— Нет. Мы о вас знаем все.

— Откуда же?

— У нас есть люди.

— Эти люди сами ошиблись и вас ввели в заблуждение.

— Значит, наше предложение вы принять не хотите? — угрюмо спросил пегий человек.

— Ваш звонок я расцениваю как шутку, какую я оценить не могу из-за отсутствия чувства юмора.

— Печально. И для нас. И для вас. Мне хотелось бы дать вам время подумать, чтобы потом вам не пришлось жалеть о своем легкомысленном отношении к важному делу.

— Вы говорите таким тоном, будто угрожаете мне.

— Возможно, что и угрожаю. Безрассудное упрямство следует наказывать... Потом, вы, видимо, не верите в нашу серьезность и в нашу силу, вот вы их и почувствуете...

— И что же будет?

— Будут и мелкие неприятности... Скажем, в театре... Ну, предположим, на гастроли в Италию вы не поедете...

— Еще что?

— Вряд ли отыщет милиция альт Альбани...

— Так... Далее...

— Через три недели должно состояться ваше выступление в Доме культуры медицинских работников...

— Отчего же не во Дворце энергетиков?

— Во Дворце энергетиков срочно устроят конкурс бальных танцев, оркестру придется искать другой зал...

— Ну хорошо, в Доме культуры медицинских работников... И что же?

— Так ваше выступление не состоится... Оно, возможно, и нигде не состоится...

— Хватит! И меня можно рассердить.

— Это как вам будет угодно.

— Вы ведь себе противоречите. Вы приписываете мне какие-то особенные возможности и пугаете меня мелкими неприятностями. Но если у меня возможности, что мне ваши угрозы! Не подумать ли вам в таком случае, как самих себя обезопасить от неприятностей?

Секретарь хлопобудов, видно, растерялся. Молчал, дышал в трубку. Потом сказал, но не слишком решительно:

— Видите ли, тут особый случай, мы, наверное, не нашли подхода к вам, а потому разрешите считать наш разговор предварительным... Мы к вам по-земному... А вы, возможно, на своих высоких ступенях полны иных чувств... Возможно, вас обидели слова о вознаграждении... Это чуждо вам... Я понимаю...

Мы шли здесь на ощупь... Но и вы нас поймите... Мы пытаемся заглянуть в будущее, и отчего же... существу... предположим, попавшему к нам из более высокой цивилизации, пусть и занятому своими целями, нам неведомыми, не помочь хоть капелькой своего богатства энтузиастам приближения будущего на Земле...

— Вы меня, что ли, под существом имеете в виду?

— Нет, это я в теоретическом плане...

— Вы меня пришельцем, что ли, считаете? Так я прошу вас ввести в хлопобуды профессора Деревенькина, он все объяснит вам насчет пришельцев.

— Ирония здесь неуместна, — уже мрачно сказал пегий человек.

— А дальнейший разговор излишен.

— Печально. У нас ведь есть земные возможности, и как бы вам все же не пришлось сожалеть...

Договорить секретарю хлопобудов Данилов не дал, повесил трубку. "Жулики вы и будохлопы! — произнес он вслух. — Еще вздумали угрожать!" Он храбрился, но ему было худо. Мерзко было. Откуда они столько узнали о нем? И что за поводы он дал подозревать его пришельцем? Кто им поставил сведения? Клавдия? Ростовцев? Или, может быть, хлопобудный компьютер? Или Кудасов?

Не хватало еще и хлопобудов! "И так носишься, — думал Данилов, — а теперь еще и хлопобуды!

Но, может, я зря, может быть, они и вправду полезные и умные люди, а деньги берут лишь на карманные расходы?.." Данилов опять вспомнил людей, стоявших в прихожей Ростовцева, и почувствовал, что они ему чужие. К дельцам, доставалам, пронырам душа у него не лежала. Нет, сказал себе Данилов, даже если хлопобуды узнают, что в музыке и в любви к Наташе он может быть только человеком, а стало быть, уязвим, и тогда он их не устрашится, ни в какое сотрудничество с ними вступать не будет.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

14

Но Петра ли Арсеньевича добыли ему портфель? Запахи от портфеля подходили к Петру Арсеньевичу. Но ведь сколько сейчас выведено специальных умельцев, — в частности, и по запахам! И все же Шеврикука, осмотрев вещь, посчитал, что портфель, даже если он и направлен к нему со злым или хитрым намерением, подлинный. Портфель хорошей кожи, красно-бурый когда-то, местами и теперь

сохранивший первобытный цвет, конечно, потертый и с щелями, был небольшой, потому Шеврикука и подумал, что он - женский. Именно такой новенький портфель носила в двадцать восьмом году учительница школы второй ступени из строения Шеврикуки, сама только что оставившая парту. И теперь Шеврикука вспоминал о той учительнице с приязнью. Но он и насторожился. Вот сейчас он отщелкнет замок, и посыплются из портфеля пожухлые тетради с контрольными работами двоечников двадцать восьмого года! Отщелкнул. Да, лежали в портфеле бумаги, — в частности, и школьные тетради. Но рядом с ними были и кое-какие предметы.

Шеврикука вытряс бумаги и реликвии Петра Арсеньевича на стол. Нервно стал инспектировать их. Его листочки с рисунками и оттисками не обнаружились. "Что я горячусь!" - отругал себя Шеврикука и постановил провести обследование спокойно. И не только спокойно, но и степенно. Будто свои спокойствие и степенность ему следовало кому-то предъявить. Будто этот кто-то должен был теперь увидеть Шеврикуку именно ученым-исследователем в очках или даже с лупой, в своем кабинете либо в академической лаборатории принявшимся изучать, скажем, старообрядческие рукописи, отысканные вблизи Пустоозерска. Или не рукописи, а формулы и записи физико-акустических опытов. Сидел Шеврикука действительно степенно, не ерзал, но

сосредоточиться никак не мог, а уже понял, что для серьезного знакомства с бумагами Петра Арсеньевича нужны сосредоточенность и умственное напряжение не на час и не на два. Среди прочих текстов, рисунков-чертежей, будто бы клинописи и, возможно, криптограмм, попадались Шеврикуке и простенькие страницы. Были на них мимолетные соображения Петра Арсеньевича и были явные выписки из вполне доступных книг или документов. Иные выписки Шеврикуку удивили. То есть не сами выписки, а предполагаемые причины, по каким Петру Арсеньевичу понадобилось годы сохранять их, а возможно, и оберегать. Вот, скажем, советы по поводу костиневидимки. Следуя этому совету, требовалось: отыскать черную кошку, на которой бы ни единого волоса не было другого цвета, и сварить оную, выбрать все кости, а потом, положив все перед зеркалом, стоять самому и класть каждую кость к себе в рот, смотря в зеркало. Когда же та кость попадет, то сам себя в зеркале не увидишь, и с сею-то костью можешь уж ходить куда хочешь и делать, что изволишь, будучи никем не видим.

Шеврикука озадачился. Первым делом он стал вспоминать, встречались ли в Останкине черные кошки без единого волоса другого цвета. Не встречались. И у кошатника и книжника флейтиста

Садовникова не было такой кошки. Да и что-нибудь бывает у нас теперь в чистом виде? Но даже если бы и обнаружилась требуемая кошка и была открыта Петру Арсеньевичу, стал бы он ее варить и, стоя перед зеркалом, класть кости в рот? Не мог себе этого представить Шеврикука. Да и само желание сделаться невидимым и недостижимым (не для людей, конечно, а для своих, для людей-то он и так чаще всего был невидимым) казалось Шеврикуке маловероятным. Всё же Шеврикука прислушался и стал чують, но нигде в Останкине присутствия Петра Арсеньевича не ощутил. Но ведь почему-то старик не выбрасывал из портфеля листочек с простодушным советом. Держал, как держит хозяйка старый рецепт, — скажем, из рекомендаций добросердечной Молоховец. Уж и продовольствия того нет, а хранится легенда о раковых шейках, тушеных в белом вине. Или вот не расстался Петр Арсеньевич с выпиской о Перуне и сокрушении идолов. "Другой же или сей идол, когда тащим был в Днепр и бит палками, испускал тяжкое вздыхание о своем сокрушении... брошенный болван поплыл вниз, а идолопоклонники, не просветившиеся еще Святым писанием, шли за ним по берегу, плакали и кричади: "Выдибай, наш государь, боже, выдибай, - ты хоть выплыви или выдь из реки", и будто бы идол тот, послушая гласа их, вышел на

берег, отчего и прозвалось место то Выдубичи. Однако бросили его опять с камнем в воду. А новгородский Перун, когда тащили его в Волхов, закричал: "Горе мне, впадшему в руки жестоких и коварных людей, которые вчера почитали меня как бога, а теперь надо мною так ругаются!" - потом, когда бросили его с моста в реку, то плыл вверх и, выбросив на мост палку, вскричал: "Вот что вам, новгородцы, в память мою оставляю!"; сие было причиною, что через долгое время новгородцы имели обыкновение по праздникам, вместо игры и увеселения, биться палками". "Неужели, - подумал Шеврикука, - Петр Арсеньевич перечитывал свои выписки? Неужели его волновали Перун и новгородские любители палочных драк?" - "Прекрати читать! Выкинь! Сожги!" - будто бы ощутил приказ Шеврикука. Были бы перед ним печь или камин и горели бы в них поленья, Шеврикука швырнул бы в огонь бумаги Петра Арсеньевича. Но приказ прозвучал чужой, и в нем было посягательство на его, Шеврикуки, независимость и особосущность. Шеврикука ноги вытянул, принимая для возможных наблюдателей как бы лениво-спокойную и уж точно независимую позу. Да и что уж такого дерзко-опасного или возмутительного в этих ерундовых листочках?

И Шеврикука снова стал просматривать бумаги Петра Арсеньевича. Вот что он в них углядел. Чары на лягушку. Заговор на посадку пчел в улей. Заговор от укуса козюлькой. Стень. Заговор от скорой смерти. Чары на лошадь. Чародейская песня солнцевых дев. Соображения о траве прикуш. О непоколебимости цветущего кочедыжника перед дурной силой. О тенях зданий. О тенях земель и растений, предсказывающих раздоры и худые замыслы. О гаданиях на решете. О приключениях оборотней. Об онимантии, или гадании по ногтям. И прочее, прочее... Все это было знакомо и неинтересно. И несерьезно. Главный ли тайник обнаружил Пэрст-Капсула? Или все эти выписки с полезными советами и заговорами Петр Арсеньевич держал для простофиль, полагая ввести их в заблуждение и отвлечь от существенного в нем? Но, может, Шеврикука сам нафантазировал о Петре Арсеньевиче лишнее, а теперь должен был отказаться от ложных представлений и намерений? Потом Шеврикука наткнулся на слова о рыцарстве, якобы интересовавшем Петра Арсеньевича. Правда, сначала пошли записи о воине-звере, который не так уж решительно удалился от оборотня. И о волколаках, о берсерках, то есть о "медвежьих шкурах" или одержимых медведем. Порядочные люди их не слишком жаловали. Однако те были, и, как записал Петр Арсеньевич, их обычаи и образ поведения позже не могли не отразиться в

действиях раннего рыцарства. На желтоватом листе фиолетовыми чернилами было записано: "Из одного итальянца (Ф. Кардини)". И ниже: "Мирным и относительно процветающим оседлым народам кочевники представляются людьми жестокими, скрытными, асоциальными, бесчеловечными, у них нет веры, они жертвы мрачных, адских культов. В глазах кочевников оседлые безвольны, изнежены, растленны, крайне сластолюбивы, в общем - недостойны тех благ, которыми они обладают. Поэтому было бы справедливо, чтобы блага эти перешли в руки более сильного". Следовала пометка Петра Арсеньевича: "Мир и благо состоявшихся, благоустроенных, изнеженных манят, но и вызывают презрение... Кочевники-ватага-коммандос". Шеврикука отложил желтоватый листок. А не об останкинских ли духах, не о народившихся ли или нарождающихся персонажах Башни думал Петр Арсеньевич, читая одного итальянца? Несомненно, к людям, а к домовым - тем паче эти самые, с Башни, относились с презрением и наверняка полагали, что всеми приобретениями людей они должны овладеть по необходимости времени и по праву сильного... Шеврикука увидел опять: "Из одного итальянца". "Вотан существовал в окружении дружины – свиты доблестных мужей. Подобно ему, германские вожди искали достойных товарищей для свиты. Им был свойствен особый образ жизни - странствие, неподчинение

установлениям среды, в какой они выросли. Главное в них - амбиция, стремление первенствовать, повелевать, пристрастие к авантюре, жажда богатства, вкус к острым ощущениям. Будничное течение жизни вызывает у них тоску. Судьбу они не признают предначертанной. Будто бы неизбежное можно было перечеркнуть воинской доблестью. Но притом в комитате, дружине, естественной и необходимой была взаимная верность. И взаимность обязанностей. И честность. О дружине князя Игоря сказано: честно – это сражаться и приносить себя в жертву идеалам братства, бесчестно - подражать Каину и поворачивать оружие против своих. Воинская этика, основанная на братстве, чести, преданности, и вела к тому, что вышло рыцарством". Ну-ну, подумал Шеврикука, экий романтик и созерцатель Петр Арсеньевич, тут тебе и Каин, и германские вожди, и Вотан-Один, и дружина князя Игоря. Или вот: "Варвары и римляне. Духи О. башни и мы. Явление варваров - наказание и назидание? Или - продолжение в новых одеждах?" Это мы, что ли, усмехнулся Шеврикука, римляне? Или люди? Однако мысль об этом, видимо, тяготила Петра Арсеньевича всерьез. "Люди (и мы, естественно, с ними) перед обрушивающимися на них событиями или предзнаменованиями испытывают великий страх. Был великий страх тысячного года. И явились в пору смятений,

раздоров, вероломства заступники слабых и напуганных".

Все, хватит, сказал себе Шеврикука. А в руках его уже были листочки со стихотворными строками. Зигмунд. Сын его Зигфрид... "Он страшного дракона убил своим мечом. В крови его омылся и весь ороговел. С тех пор, чем ни рази его, он остается цел..." Зигфрид, Нибелунги. Клад их. Золото Рейна. Чаша Грааля. Король Артур. "Фу ты! - возроптал Шеврикука. - Зачем мне-то теперь все эти Артуры с их круглыми столами, все эти Зигфриды и Нибелунги и их клады! Что я глаза порчу!" Но он чувствовал, что в нем опять шипит чужой приказ: "Не лезь, Шеврикука! Не суйся!" И снова из упрямства (или вздорной блажи?) Шеврикука тетради и листочки сразу не отодвинул, а продолжал перебирать их и наткнулся на карточки из плотной бумаги, какими пользуются посетители общественных читален для особо ценных выписок и соображений. На одной из них были слова: "Принципы комитата, дружины, свиты. Принципы командос, серых волков. И принципы воровской стаи. Они разные? Рыцари и банда. Принципы - близкие. Но часто они - наыворот. Это горько. Горько! Всё идеальное может быть наыворот!" На обороте карточки тушью был начертан план какого-то дома и написано: "Малина. 11 проезд Марьиной Рощи. Подпол. Четыре спуска". А Петр Арсеньевич вроде бы служил когда-то в деревянных домах Марьиной Рощи. Ну и что! Ну и служил! Ему-то,

Шеврикуке, что за дело! Избавиться следовало от портфеля! Избавиться! И уж ни в коем случае не надо было разгадывать криптограммы, строки крючков и клинописи (рунической, что ли?) и даже запоминать их. Шеврикука суетливо, дерганно принялся запихивать бумаги Петра Арсеньевича в портфель, увидел на обложке одной из них завитки букв: "Собственноручные записки феи Т., в составе мекленбургского посольства посещавшей Московию летом 1673 года. Сокольнический список". Еще и фея Т.! Шеврикука выругался. Только фей ему ныне не хватало! Мекленбургских! Будто опаздывая к самолету, Шеврикука стал швырять в портфель и реликвии Петра Арсеньевича, не вдаваясь в их подробности и не оценивая их, среди прочего чей-то клык, шелковую лиловую ленту (дамы сердца, что ли, марьино-рощинского, сокольнического, останкинского рыцаря?), пучок засушенной травки с цветком зверобоем и цветком львиный зев, четыре карты, четыре замусоленных валета (неужели поигрывал? неужели вообще был игрок?). Защелкнул замок. Выбросить портфель? Сжечь? Растворить? "Спрятать у Радлугина!" – вышло постановление. Почему у Радлугина? Почему именно у Радлугина, ведь за его квартирой наблюдают? И хорошо, что наблюдают! Сейчас же к Радлугину, сейчас же поместить портфель там!

(продолжение предполагается)

ИЗ "СТАРЫХ АНГЛИЙСКИХ ПЕСЕН"

Зимняя свадьба

Я вышла замуж в январе.
Толпились гости во дворе,
И долго колокол гудел
В той церкви на горе.

От алтаря, из-под венца,
Видна дорога в два конца.
Я посылаю взгляд свой вдаль,
И не вернуть гонца.

Церковный колокол гудит.
Жених мой на меня глядит.
И столько свеч для нас двоих!
И я считаю их.

1961

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 30

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога